

Событие

В Барнуде состоится пленум Союза писателей России

27 июня в Барнуде состоится пленум Союза писателей России.

Всего в регион приедут около сорока писателей. Некоторые из них в качестве руководителей семинарских секций примут участие в работе Всесибирского семинара молодых литераторов а также в VII краевых Рождественских чтениях.

26 июня в культурно-спортивном центре Бийска пройдет подведение итогов и награждение победителей регионального этапа VIII Международного литературно-художественного конкурса для детей и юношества «Гренады, вперед!». В мероприятии примет участие председатель Союза писателей России Валерий Ганичев.

И в этот же день во Всероссийском мемориальном музее-заповеднике В.М.

Шукшина в селе Сростки гости пленума встретятся с читателями.

27 июня в 10 часов в конференц-зале Алтайской государственной академии культуры и искусств (пр. Ленина, 66) состоится открытие пленума Союза писателей. Вторая часть дня отведена на творческие культурные акции.

В Барнаулском библиотечно-информационном центре состоится встреча участником пленума с читателями.

А 28 июня цикл литературных мероприятий завершится на родине Роберта Рождественского, где пройдут традиционные фестивали — межрайонный песенный «Песни главные есть в судьбе любой» и поэтический «Надо собственной жизнью доказать свои стихи».

Валентину Григорьевичу Распутину вручена Государственная премия РФ

Владимир Путин вручил Государственные премии за выдающиеся достижения в области науки и технологий, литературы, искусства и гуманитарной деятельности за 2012 год.

Государственная премия за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности присуждена Валентину Распутину.

Выступая на церемонии вручения премии в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, Владимир Путин отметил:

«Романы и повести Валентина Григорьевича Распутина — настоящее откровение о характере русского народа. В своём творче-

стве он всегда поднимается до мировоззренческих вершин, возвращает истинный смысл таких понятий, как Родина, память, совесть, милосердие и патриотизм. Его имя по праву стало символом ценностей, которые Валентин Григорьевич защищает всю свою жизнь. Судьбы его героев поражают. Герои у Распутина разные, но всегда побеждает мысль о верности своим корням, силе душевной красоты, значимости взаимопонимания между людьми».

Мы поздравляем Валентина Григорьевича с присуждением ему высокой премии!

Демографический кризис - это проблема нравственная

Беседа главного редактора газеты «Российский писатель» Николая Дорошенко с Председателем Союза писателей России «Валерием Ганичевым».

Николай Дорошенко: Валерий Николаевич, что для вас лично значит Алтайский край?

Валерий Ганичев: У нас в России есть много центров культурного притяжения. Михайловское, Тарханы, Бежин Луг, Ясная Поляна, Вешенская... И один из таких центров - Сростки. Хотя Алтайский край, это огромный материк со своей особой историей, со многими значимыми для России именами.

В прошлом или даже позап-

рошлом году Валентин Григорьевич Распутин и я были в Постпредстве Алтайского края, разговаривали с губернатором Александром Богодановичем Карлиным, он подарил нам изящный, с любовью изданный семитомник Шукшина, пригласил продолжить разговор о жизни, о ее преломлении в текущей литературе. Так появилась идея алтайского пленума о современной литературе и сбережении народа.

(Окончание на стр. 2)

Из Алтайской тетради

«Там есть один мотив...»

Анатолий Кирилин

1. «ЖАЛЕТЬ СЕБЯ - СЕБЕ ДОРОЖЕ...»

Как правило, по-настоящему признанным и узанным поэт в России может стать только после смерти. Есть тут и некоторая вина современников, есть объективная причина, по которой стихи «взрослеют» дольше их автора. Поэзия есть тайна, и стоит ли гадать, почему с ней случается так или эдак. Безусловно прав литературовед

и критик Виктор Шкловский, утверждая, что «у поэзии нет времени, вернее у нее свое время, свои дни и часы».

Однако возьму на себя смелость, может быть, даже грех - заявить, что Владимир Башунов будет принят и понят следующими за ним поколениями труднее, чем ранние поэты. Не читают стихов нынче, то есть редкие единицы заняты этой «глупостью». В так называемых цивилизованных странах, в одной за другой исчезают поэты, а сама поэзия остается лишь предметом науки филологии. Мы пока

идем другим путем: у нас все больше и больше плохих поэтов. И ведь заявляют во всеуслышанье: плохих поэтов не бывает! Бывает, господа, еще как бывает!

Но, смею вас заверить, Башунов как-то не очень обращал на это внимание. Случалось - допекали, но крайне редко. Он никогда не расставался с Александром Сергеевичем Пушкиным, что ему до других! Отсюда и строка, вынесенная в заглавие этих заметок - «жалеть себя - себе дороже...»

(Окончание на стр. 7)

Демографический кризис - это проблема нравственная

(Окончание. Начало на стр. 1)

Н.Д.: Итак, на родине Василия Макаровича Шукшина, никогда не уходившего от наиболее острых проблем, всегда остро переживающего за судьбу своего народа, писатели будут говорить о тех ценностях, которые помогали и помогают народу выстоять, выжить.

В.Г.: Наши статистики пытаются нас чуть-чуть взбодрить. Но старение населения проходит быстро, дети составляли в стране в 1990-м году - 24,5 %, в 1997-м - 22,2 %, в 2005-м уже 16 %.

Демографы говорят, что для того, чтобы демографический кризис преодолеть, надо иметь до четырех детей в семье. А 24 % женщин 18-34-летнего возраста не имеют и не желают завести детей.

Согласно довольно объективному прогнозу ООН, в России население сократится в текущем столетии до 100 млн. человек. По мнению других демографов (Андреева), в России уже в 2020 году будет 102, а в 2050-м 93, 8 млн. человек. Получается, что без войн, голода, засухи, по вине в немалой степени собственной мы исчезаем с лица земли.

Демография — это не вопрос только науки, только политики, не вопрос только экономического (хотя и это крайне важно). Это вопрос нравственный, моральный, вопрос самочувствия человека и его семьи. Если хотите, это вопрос нашей совести. Это вопрос честного писателя, его внутреннего чувства ответственности. Вспомним рассказы И.С. Тургенева, в 40-х годах XIX века, которые, как сказал его современник, сыграли роль в отмене крепостного права не меньше, чем реформы Александра II, ибо крестьянин был Тургеневым показан красивым, благородным, понятливым человеком, в общем, как бы сказать, — братом во Христе или, скажем, — Человеком с большой буквы, которого надо уважать, присматриваться к его нуждам и любить его.

Так и сегодняшнему писателю надо обратиться к сердцу и душе человека, к его совести и, если хотите, к страху. С одной стороны, увидеть беды, с другой стороны, ободрить людей, не дать им впасть в уныние и апатию. Это не только художественная задача, это задача чрезвычайно трепетной совести, точного слова, преодоления колебаний, готовности увидеть без-

различия и преодолеть инерцию распада.

Везде есть свои методы борьбы и преодоления кризиса, у партий, общественных организаций, властей, органах здравоохранения. Но свою ответственность, свою нравственную задачу имеет и человек пишущий, да еще тот, кто причисляет себя к сообществу писателей.

Мы не будем сегодня отрицать, что сузился пьедестал писателя, на который он был возведен российской традицией, всеобщей грамотностью, советской уважительностью к книге. Меньше читают - бедность, мешающая приобретению книги, технологический диктат, апатия и безразличие к будущему, к мировым и общерусским духовным ценностям. Ну так что, обратится лишь к коммерческой литературе, к литературе наслаждения, модернистски искаленной литературе? Нет сомнения, что такая псевдо-писательская, бездуховная, торгово-коммерческая литература есть, и она громоздится у прилавка наживы и алчности.

Мы, писатели России, все-таки должны осознавать всю долю ответственности за свой умственный, духовный труд. Сейчас уже не так трудно издать книгу, «протолкнуть» свое произведение в журнал. Во многих организациях понизили требовательность к приему. Вот, Вологда, когда там был жив Василий Белов, была необычайно строгая, справедливо строгая к приему в члены Союза. А рядом Новгородская область, прием вела по какому-то другому принципу. Ну разве это разумно, принимать пачками людей в Союз, в том числе из других организаций. Мы приостановили

прием из Новгородской организации до конца года.

Возьмем только три явления, пришедших в «цивилизованный» мир за последнее время, которые прямо ведут к уничтожению населения.

Особый разгул получили фальшивые явления, проявившиеся под флагом «прав человека». Святейший Патриарх Кирилл на ВРНС, отдав должное этому праву, сказал, что Русская Православная Церковь, мы все не можем согласиться с тем, если эти права ведут к греху, не сопряжены и не учитывают традиционные, народные, религиозные особенности страны. Вот одно из этих прав - усиленно пропагандируемое и навязанное обществу, отбрасывающее его к греховности - это, так называемая, бисексуальность, это гомосексуализм, мужеложство, а затем и однополые браки, и разрешение однополым семьям усыновлять детей. При всем том, что, как утверждает статистика, каждый третий ребенок в таких семьях подвергается сексуальному насилию.

Патриарх Алексей II, выступая в Европейском парламенте, говорил: «Все знают о явлении гомосексуализма. Это, конечно, грех, и это сродни болезни. А болезнь надо лечить». Депутаты опустили глаза, многие сами болели этим. И мы знаем, что парламенты Англии, Франции, Дании, Норвегии уже приняли законы, официально и напрямую оправдывающие грех.

И второе, опасное, появившееся тихо в обществе движение «Чайлдфри». Оно объединяет мужчин и женщин, не желающих обременять себя деторождением и считающих, что у них есть на это право. Надо со всех трибун, во всех СМИ втолковать, что

рождение детей - это не только «личное» дело. Потому что дети - это норма.

И еще одно вроде бы личное, но для выживания страны важное дело. Вот только цифры: в нашей стране ежегодно совершается 1 миллион 200 тысяч абортов. И так, за один год теряется более одного миллиона младенцев, будущих возможных граждан. Причем, официальная статистика не учитывает тех абортов, которые проводятся вне стационаров или в полулегальных клиниках (по некоторым данным, они могут составлять до 5 миллионов в год).

Если верить Госкомстату, то за последние 20 лет вследствие абортов не родилось на свет более 40 (!) миллионов человек. Вот вам и демография!

Конечно, тут разные причины, есть люди, сделавшие это по медицинским показаниям. Но для литературы - это проблема нравственного выбора.

Н.Д.: Сразу после войны в отрывных календарях печатались стихотворения или просто размышления писателей о высокой любви, о семейных ценностях. Да и по радио звучали песни соответствующего содержания. Хотя вроде бы во время разрухи были и другие важные темы.

В.Г.: Я долго размышлял о том, почему после разрушительной, разорительной войны народ валом валил на фильм «Кубанские казаки», запоем читал не ахти какой художественной высоты «Кавалера Золотой Звезды» Бабаевского или «Семью Рубанюк» Поповкина.

В период «оттепели» их подвергли довольно разгромной критике за «приукрашивание» и за «выдумку». Да, по-видимому, было и это, но было и оттаивание души после смертельной войны, была надежда: будут и у нас простые житейские радости. Человек возвращался к мирной жизни и совершал не менее важную задачу, чем победа в войне. За пять-семь лет люди возродили страну. А это великий Подвиг, равный Победе!

У нас и сегодня есть шанс поднять страну, поднять людей, возродить веру. И место литературы здесь не последнее.

Возьмем два фактора: земля и люди. И оба решающие здесь, на Алтае. У нас был довольно внушительный отряд писателей, которые со знанием дела писали о земле, о земледельцах, о деревне. Это выдающиеся писатели Валентин Овечкин, Иван Василь-

ев, Леонид Иванов, Василий Белов, Федор Абрамов, Борис Можайев, Виктор Астафьев; рядом были и Владимир Крупин, Виктор Лихонос, Валентин Распутин. Для читателей это было окно в мир труда и забот. С утра они открывали «Литгазету» и затем спрашивали у соседа: а ты читал?

Сейчас деревенские писатели исчезают вместе с деревнями. Но в любых условиях можно и нужно работать, искать выход, рассказывать о лучшем, не утратившем жизнеспособность. Могу назвать великого труженика на ниве литературы и села, возглавляющего наш писательский Совет по проблемам русского села, настоящего патриота, сопредседателя Союза писателей Александра Арцибашева.

Некоторый спор вызвало решение о введении звания Героя Труда. Кто-то решительно заявил, что это - Герои Труда для олигархов, кто-то объявил очередной уловкой власти, не замечая реальную самодостаточность трудового подвига или, скажем, высокий профессионализм, которые всегда уважали в народе.

Думаю, что рассказ о людях труда, их умелости, их образе жизни - часть нашего писательского и журналистского труда. Мы в Союзе писателей с восхищением встречаем очерки, рассказы, книги о людях труда вологодского писателя Анатолия Ехалова. Но и потрясающая его праздники, которые он организовал вместе с областной Администрацией: праздник топора, коровы, лучшего двора, сельского клуба, гармони, кружевницы, механика. Он снимает их вместе с телевидением, рассказывает об этом в газетах и книгах. Привез победителей плотников, столяров, шоферов, механиков, гармонистов, бабушек, молодых сельчан в Центральный дом литераторов в Москве. Большой праздник был у нас. «К нам приехал Ехалов!» - была афиша.

Такого рода мотор помогает двигаться области, трудиться мужикам, рожать детей женщинам, сохранять ремесла да и пить поменьше.

Конечно, как всегда, власть то загорается, то остывает. Но не прекращает своей подвижнической деятельности Ехалов. И таких писателей, с болью и состраданием, с надеждой и уверенностью, у нас все-таки немало.

Назовем и вашего земляка Кириллова. Человека честной, нелегкой позиции, всматривающегося в глаза земляков. Нашего мудрого и неутомимого Владимира Крупина, курянина Михаила Еськова, писателей из Омской, Кемеровской, Томской, Иркутской области, Дальнего Востока.

Мы не призываем писать «производственные» романы о семье, мы призываем поразмышлять о нашем будущем, о том нашем домашнем очаге, от которого ведут все дороги в наше будущее.

Влада Аблимова,
автор книги стихов "Выжженная полоса",
член Союза писателей России,
литературного объединения им.
В.И.Далы,
лауреат премий им.Дельвига и
«Капитанская дочка».

1.

Провинция для русской литературы имеет точно такое же значение, как и столица, ни больше ни меньше. Таланты и графоманы есть везде. Способности никак не коррелируют с местом жительства. Было бы не совсем объективно утверждать, подобно некоторым землякам, что вот мы — такие искренние, самобытные, одухотворенные, а москвичи давно испорчены всем на свете, начиная с квартирного вопроса и заканчивая современным искусством. Вероятно, в конце двадцатого века еще можно было разграничивать провинциальную и столичную литературу, но сегодня, в эпоху глобализации, эта граница уже почти стерлась и скоро сотрется окончательно. У нас одна страна, и литература тоже должна быть одна. Нам нужно объединяться, а не создавать себе искусственные барьеры, как это часто происходит в творческой среде.

2.

На мой взгляд, проводником между писателем и читателем служат, в первую очередь, СМИ. Парадоксально, но не книга, потому что далеко не каждый желающий может ее издать, и если это все-таки происходит, то только благодаря спонсорам. Чтобы поехать на мероприятие в другой город, тоже нужны деньги. Так, билеты из Оренбурга в Москву и обратно обойдутся в целую зарплату. Интернет — гениальное изобретение, но это все-таки прерогатива молодежи, а что делать старикам, у которых порой не то что компьютера — печатной машинки-то нет? Они шлют рукописи в газету.

Таким образом, перед редактором все равны: и школьник, и пенсионер, и горожанин, и сельчанин. А у нас из десяти газет только одна имеет литературную рубрику. Существует также литературный альманах, но и он не может охватить всех авторов. Конечно, в таких стесненных обстоятельствах очень приятно внимание центральной прессы, в частности, вашего издания. Это дает ощущение дружеского плеча, необходимое для плодотворной работы.

3.

В народе бытует мнение, что стихи «льются из души». Я бы ска-

В битве за Слово

Для кого-то провинция — глухомань, а для патриота — Большая Россия, по сравнению с которой столица — песчинка на огромной карте. Молодые, но уже достаточно известные поэтессы поколения двадцатилетних Влада Аблимова из Оренбурга и Карина Сеидаметова из Самары отвечают на три вопроса о том, как складываются их творческие судьбы.

1. Какое значение имеет провинция для русской литературы?

2. Что помогло бы авторам с периферии быстрее выйти к широкому читателю — не хватает внимания центральной прессы, недостаточно культурных мероприятий, поддержки Союза писателей, или таланту для признания достаточно Интернет?

3. Есть ли цель у Вашего творчества, глобальная задача или это просто самореализация?

зала иначе: стихи из души выковыриваются с болью и кровью, как занозы. Только то, что тяжело дается, имеет ценность. А если из тебя что-то «льется», засунь в дальний ящик и никому не показывай, потому что это не стихи.

Авторская философия у меня примитивная: не говорить того, чего не думаешь. Конечно, убеждения могут меняться, но всегда должны оставаться искренними. Если я пишу про онкодиспансер, детдом или митинг, то я там была, а не просто брякнула ради красного словца. Целью творчества, да и вообще жизненным кредо считаю сопротивление. Врагам, ведущим против нас информационную войну. Обывателям, ныне стыдливо именуемым средним классом. Своему внутреннему многогрешному «я».

Раз уж ненавидеть, по мнению критиков, мне удастся лучше, чем любить, надо направлять эту ненависть в результативное русло. Ненависть, на самом деле, очень хороший мотиватор. Если десять человек прочитают мои стихи и забудут, а одиннадцатый прочитает и захочет изменить свою жизнь, это будет наградой большей, чем все литературные премии. Я пишу для честных людей, которые не боятся смотреть правде в глаза.

Карина Сеидаметова,

автор поэтических сборников «Позимник», «Соборный свет», публикаций в изданиях «Наш современник», «Роман-журнал-21 век», «Невский альманах», «Дон», «Русское эхо», «Волга XXI век», «Простор» и многих других,

член Союза писателей России,
лауреат премии им. Ю. Кузнецова.

1.

Помните, как говорят французы: «таланты рождаются в глубинке...». Не хочу проводить никаких аналогий, но т.н. «русская глубинка-провинция» дала «большой

России» множество россыпей-созвездий величайших писателей. Таких как: Шолохов, Кедрин, Рубцов, Кузнецов, Прасолов... Всех и не перечислить!

Возможно, так происходит потому, что столичные устои по большому счету богаты на подмены понятий. Под яркими вывесками о «бутафорской сказочной жизни» — в реалиях красуются нищета, бесплодность пороков и всепоглощающее одиночество. Нет времени приостановиться, поразмышлять о главном, о судьбе, о жизни. А в глубинке у человека есть возможность не столько утешить, сколько «утешить» многие из своих минутных прихотей, прислушаться к себе самому. Провинция до сих пор остается светочем-оберегом страны именно в глобальном понимании данного значения — страны с многовековыми верованиями, культурой и традициями. Не позволяет выхолоститься-изжиться корневому и первоначальному. Это некий фундамент, без которого дом попросту рухнет. Богатство языка народного сокрыто в русских деревнях, опять-таки в глубинке. Деревень остается все меньше, но считаю одной из задач как раз молодых людей, пишущих или читающих, постараться сохранить эти знания и передать их следующим поколениям. А мы всё больше стремимся позабыть да отринуть своё, считая какие-то вещи то ли не модными, то ли пережитками советского прошлого. Отбрасывать старое, не обретя нового, согласитесь, довольно легкомысленно. Так же как, разрушив прежний системный строй управления страной, не создали новый полноценный. Задача русской литературы в том, чтоб не отвергать «провинцию», а прирастать ей! Черпать в ней силы, стойкость и мужество.

2.

Самое главное не, то чтобы ускорить процесс «выхода автора к широкому читателю» — важно сделать это вовремя, своевременно. Конечно, сказываются и недостаток внимания центральной прессы, и нехватка культурных мероприятий именно литературно-художественного плана. Других-то мероприятий у нас завались! На данный момент — таланту для признания Интернет необходим, но отнюдь не достаточен. Преимущество сетевой дистанционности множество, но она таит в себе и опасность. Если говорить о совсем еще молодых людях, просматривающих информацию в интернете, то она может быть как душеполезного свойства, так и запредельно плохого качества, в том числе и ли-

тература. Всё находится в прямом доступе. Вопрос лишь в подготовленности и внутреннем редакторе человека. Знаю, что существует «бюро пропаганды художественной литературы» творчества писателей и т.д. Сейчас создаются в той же Сети сообщества по продвижению того или иного писателя. Отклик-резонанс у таких сообществ неплох, да и эффективность проверена. При всём притом обретение себя в профессии всегда очень индивидуально. Можно говорить о случае, удаче, но очевидно одно: прежде всего — это судьба.

На страницах главного художественно-патриотического издания страны, журнала «Наш современник», периодически можно видеть подборки молодых самобытных авторов. Для них много значит внимание флагамена русской прессы, который дорог народу — когда в библиотеку поступает новый номер «Нашего современника» — самое главное успеть вовремя журнал перебрать! Иначе потом его будешь ждать долго-долго. По сравнению с другими изданиями, которые могут месяцами лежать на тех же самых полках в ожидании своих читателей, «Современник» всегда востребован. Этот журнал помог очень многим ныне известным авторам в их творческом становлении, в обретении устойчивости духа, в начале диалога с читателем-единомышленником.

3.

Знаете, есть две фразы, которые в свое время произвели на меня ошеломляющее воздействие: одна из них сказана Юрием Кузнецовым: «Россия в пропасть летит, а о чем же сегодня пишут молодые поэты?» Я фразу эту слышала, разумеется, с пересказов, от учеников Юрия Поликарповича. А вторая — это слова, прочитанные уже мной в статье под названием: «Цветы на руинах», где говорилось так: «...от частного — к общему, от одного села — к необъятной державе, от семейных преданий — к судьбе народа». Вот эти-то самые крупные мысли и заставили в полной мере подойти ко всё более очевидному для меня: что в литературе сосредоточенность на выражении своих собственных личностных переживаний должна присутствовать лишь отчасти. Во многом это ещё и способность говорить с читателем, образовывая и воодушевляя людей, спланивая их в нынешнее время современного раздора.

Мы, новые авторы глубинной России, ощущаем себя духовным воинством в битве за Слово.

Записала
Марина СТРУКОВА

Тема

ПРИЗЫВ... В ПИСАТЕЛИ или Каким образом будем развивать наш Союз?

На мой взгляд, наступают такие времена, когда Союз писателей встанет перед выбором: с кем жить дальше? Как быть с тем, что Союз писателей России стремительно «стареет»?

Впрочем, не буду говорить «за всех». Но вот моя родная Вологодская писательская организация. Что мы имеем на данном этапе?

Нетрудно посчитать, что чуть более 30 писателей, состоящих на учёте в Вологодской писательской организации, давно приближаются — в среднем! — где-то к 65-летней отметке. Да, отрадно, что наши «старожилы» Борис Чулков, Людмила Славолобова, Ольга Фокина, Анатолий Петухов, Сергей Багров, Анатолий Мартюков, Инна Груздева по-прежнему с нами, в нашем строю. Но и самый «молодой» среди нас давно перешагнул за сорок лет... И никого из действительно молодых на подходе не видно.

Ну что, будем вымирать, если можно так сказать, «естественной убылью»?

Говорю об этом с горькой иронией, ибо застал (ещё и числясь в «начинающих») лучшие годы организации, одной из самых сильных и боевых в тогда ещё Союзе писателей РСФСР. То есть, своими глазами видел рабочую изнанку живого творческого процесса, «кухню» подготовки «кадров», взаимоотношения признанных мастеров и молодых литераторов.

А между прочим, у истоков Вологодского отделения СП РСФСР стояли не такие и молодые люди. Но в первую очередь десятилетием организация стремительно помолодела. Тогда был установлен и своеобразный рекорд: поэт Виктор Коротав стал членом СП в 23 года! Ольга Фокина принята в Союз 26-ти лет, Василий Белов — 32-х, Николай Рубцов — 33-х.

Потом возрастной «ценз» стал смещаться к годам 40 (бывали разные случаи, но, как правило, было так). А двое последних соискателей на звание «писателя», рекомендованных к приёму в Союз в этом году, минули и свои 55 лет...

При этом (только на моей памяти), порядка 30-40 молодых литераторов, вполне достойных стать членами писательского Союза, прошли «мимо» него, а для кого-то это стало и жизненной трагедией.

А: бывали времена, когда совещания молодых литераторов проводились чуть ли не ежегодно, любая рукопись, поступающая в писательскую организацию или областные газеты обязательно рецензировалась, много времени мастера уделяли и индивидуальной работе с молодёжью.

Сейчас эта работа тоже ведётся, но... чаще всего на общественных началах. Время от времени предлагают почитать ту или иную рукопись, но можно от такой работы и отказаться (всё-таки это требует времени, а его иной раз и нет). А совещания молодых литераторов заглохли сами собой, не только по причине плохого финансирования, но и... предполагаемого состава участников. Все чаще на них собирались литераторы далеко не юного возраста.

Какой тут выход — я не знаю... Но видится, что это одна из проблем, которую должен обсудить будущий съезд Союза писателей России!

Андре СМОЛИН,
г. Вологда

Николай Дорошенко: *Постановлением Губернатора Алтайского края А. Б. Карлина ровно четыре года назад было создано краевое автономное учреждение «Алтайский дом литераторов». Помимо того, что это, безусловно, свидетельствует о неравнодушном отношении краевой администрации к своим писателям, что все-таки послужило поводом к такому решению губернатора? Ведь в большинстве российских регионов таких учреждений не имеется.*

Юлия Нифонтова: *Идея витала давно, ведь когда-то в крае было несколько писательских организаций, вместо привычно единственного отделения Союза писателей. Тогда возникла необходимость создания единого центра. Мы нашли приемлемую форму — автономное учреждение, которое не только финансируется на законных правах, но и стало единым координатором всех писательских организаций и литобъединений края. Гордимся тем, что оправдали ожидания краевых властей и нашего учредителя — управления Алтайского края по культуре — Алтайский дом литераторов стал отправной точкой в процессе объединения писательских организаций. С 2010 года мы стали единой общественной Алтайской краевой писательской организацией (ОАКПО). Время междоусобиц миновало. Мы дружим и с отделением Союза российских писателей, проводим совместные литературные акции. Миротворческая миссия — одна из основных целей «АДЛ». Но творческие люди всегда были яркими индивидуальностями, отстаивающими свою точку зрения, а это неминуемо ведёт к спорам, живому обсуждению, разногласиям — это свойство творческой среды и никуда от этого не деться. Главное, чтобы дискуссии не перерождались во вражду, а приводили бы к позитивным, полезным для общего дела решениям. АДЛ успешно координирует литературный процесс на основе доброжелательного взаимопонимания и сотрудничества. Это помогает нам осознать, что все мы, кто служит художественному слову — соратники по одной битве, битве за души людей, которую испокон веков ведёт русская литература.*

Н.Д.: *Опять же, если сравни-*

вать с другими регионами, писатели Алтайского края живут очень и очень активной творческой жизнью. Проходят конкурсы, фестивали, тематические вечера, презентации новых книг и т.д.

Расскажите более подробно о работе вашего Дома литераторов. Есть ли у вас ощущение, что вы помогаете писателям расширять круг своих читателей?

Ю.Н.: *К художественной литературе, будь то проза или поэзия, за последние десятилетия интерес сильно упал и пока, к сожалению, ситуация развивается в том же на-*

В каждую поездку по краю писатели берут с собой книги из этого фонда, дарят местным библиотекам, школам. В райцентрах, помимо выступлений, проводятся мастер-классы в литературных объединениях. В сёлах по сей день интересно выступать, там при всей сложности нынешней деревенской ситуации в глазах у людей больше жизни, тепла, интереса, чем у горожан. Хотя, надо признать, характер встреч изменился. Если раньше народ собирался и в красных уголках ферм, и на полевых станах, и в других местах, приближенных к работе, то теперь, в

нающих литераторов). Увеличивается и поток издательских проектов. Особо хотелось бы выделить, что кроме индивидуальных литературных консультаций при Алтайском доме литераторов действует известная студия Валерия Котеленца (из этого серьёзного объединения вышли многие наши профессиональные литераторы), «Клуб любителей фантастики», молодёжный литературный клуб «Второй этаж», поэтическое объединение для литераторов старшего поколения «Спектр», творческие объединения «Беловодье», «Литературное кафе», и др.

В прошлом году, например, большой резонанс в СМИ получила совместная акция писателей с управлением Федеральной службы исполнения наказаний. Каждую неделю наши писатели встречались с заключёнными колоний Алтайского края, неся такое нужное доброе и мудрое писательское слово тем, кто в больше всего в этом нуждается. Постоянные творческие встречи со студентами, старшеклассниками, в педагогической академии с помощью кафедры литературы создали небольшую секцию юных критиков. Читают наши книги, высказываются.

«Ждем разговора о судьбе нашего Союза...»

Беседа главного редактора газеты «Российский писатель» Николая Дорошенко с директором Алтайского дома литераторов Юлией Нифонтовой

правления. Если говорить о помощи писателям и расширении круга читателей, то Алтайский Дом литераторов, в основном, этим и занимается. В прошлом году мы выиграли грант на творческие поездки наших писателей по районам края. Поэты и прозаики с выступлениями побывали в сёлах, где писателей не видели в глаза несколько десятилетий. У нас есть специальный книжный фонд, где собираем издания наших литераторов.

основном, — в библиотеках, реже в школах, совсем не часто в домах культуры. И приходит совсем не много любителей литературы.

Самое внимательное отношение у нас к увековечиванию памяти ушедших писателей-земляков, ежегодно в крае проходит 16 литературных чтений. В Алтайском крае большие возможности для литературной учёбы и повышения уровня мастерства (студии, литобъединения, семинары для начи-

Проводим литературные праздники (два из них — в дни памяти наших земляков Василия Шукшина и Роберта Рождественского имеют статус федеральных), вечера памяти других наших земляков-писателей, литературные конкурсы среди школьников, поэтические ринги. Бывает, литературные встречи или презентации книг, проводимые в разных местах, совпадают по времени, и мы вынуждены распределять наши «штучки».

Есть ряд местных литературных премий, довольно солидная и авторитетная премия администрации края. Надо отметить особую заинтересованность в литературном процессе губернатора края Александра Карлина. Сам человек образованный и много читающий, он всегда в курсе наших дел, он инициировал солидный краевой ежегодный издательский конкурс, который мы между собой так и называем — губернаторский.

- Мастер-класс в с. Павловск

- Анна Самойлова и Сергей Свиринов в ИК-11, г. Новоалтайск.

Каждый год по итогам этого конкурса появляется десять новых изданий в номинациях: «Поэзия», «Проза», «Публицистика», «Краеведение», «Детская литература», «Первая книга». Вся работа по изданию проводится за счёт краевого бюджета, книги уходят в библиотеки края. Это желанная и крайне редкая в наше время возможность издать книгу любому даже самому начинающему автору, невзирая на чины и членство в профессиональных союзах. Для возможности яркого старта в конкурс включена специальная номинация «Первая книга». Победителям конкурса, коих каждый год не менее десяти, не только издаются книги в солидном оформлении за средства краевого бюджета, но и выплачивается гонорар, выдаются авторские экземпляры. Презентация этой книжной серии традиционно проходит на одной из самых престижных для каждого писателя площадок — в стенах краевой библиотеки им. В. Я. Шишкова.

Помимо того, за счёт бюджета на свет появляются мемориальные издания — прекрасное изданная книга Роберта Рождественского, уникальный по полноте документов и произведений восьмитомник В. М. Шукшина, пятитомная антология «Образ Алтая в русской литературе», где представлены писатели, в разные годы сказавшие свое слово об Алтае. Все издания перечислить невозможно. Каждый год краевая библиотека имени Вячеслава Шишкова проводит фестиваль «Издано на Алтае». На выставочных стендах этого фестиваля до полутора тысяч изданий! Разумеется, не все из них имеют бюджетную поддержку, но она, заверяю вас, очень ощутима. Почти все крупные издательские проекты, где задействован бюджет, проходят

через Алтайский Дом литераторов, то есть мы выступаем как издатель. Ведём сайт Дома литераторов и писательской организации, выпускаем журнал «Пикет» в электронной версии, создан новый журнал «Культура Алтайского края». Сейчас наш самый крупный в крае литературный журнал «Алтай», который нынче отметил свое 65-летие, перешел в кадровое и финансовое подчинение Дому литераторов, мы теперь даже живём под одной крышей.

Н.Д.: Видимо, интерес к литературе в вашем крае связан еще и с тем, что всенародно любимым писателем Василий Макарович Шукшин — ваш земляк. По крайней мере, я не могу припомнить, где еще в России собирается столько народу в память о своем земляке, как на горе Пикет...

Ю.Н.: Наши писатели бывали в различных памятных местах, связанных со знаменитыми писателями России, и говорят, что на самом деле, столько народу, как на нашем Шукшинском празднике, редко где увидишь. Действительно народный писатель, понятна любовь к нему. Ещё и лето, ещё и основная туристская трасса — Чуйский тракт — проходит через Сростки. Василий Макарович у всех на виду. Всероссийская Шукшинская премия, инициаторами которой были наши писатели и Губернатор, нынче будет присуждаться уже в четвёртый раз. Она стала одной из значимых литературных премий страны. Кроме восьмитомника, изданного к 80-летию со дня рождения писателя, фонд шукшинских изданий ежегодно пополняется. В новых изданиях и кинодеятельность Шукшина, и вновь открытые страницы жизни, и учёные

исследования, и письма, и воспоминания о нём. Музей Шукшина, расширивший свои владения и фонды — один из лучших литературных музеев страны. Реконструкция, строительство новых помещений музея шли под наблюдением Губернатора. Благодаря его стараниям в городе Бийске, можно сказать, вновь отстроена прекрасная библиотека имени Василия Макаровича. От министра культуры страны до проезжающего туриста — все в восторге от этой библиотеки, руководит которой опытный работник, человек,

литературы поддержать очень трудно. Стараемся.

Н.Д.: Появились ли новые интересные имена?

Ю.Н.: С новыми именами всё не так просто. Они появляются, это бесспорно. Но вот как-то удержаться не могут. Нормальное явление — когда литератор, пройдя начальную школу семинаров, студий, первых изданий, от книги к книге, от публикации к публикации растёт, становится в творческом отношении всё сильнее. Нын-

профессию или, например, заниматься созданием романа в течение нескольких лет. Практически все профессиональные писатели вынуждены где-то работать, что бы зарабатывать на жизнь, а литературой заниматься в свободное от работы время — в праздники, выходные и ночью. Поездом тем, кто успел заработать пенсию и не утратил внутреннего огня и интереса к литературному труду. Искусством нельзя заниматься от случая к случаю, это преступление перед Богом, даровавшим человеку талант. Но вопреки всем этим пе-

организовывавший и проводивший первое публичное выступление Шукшина, Лариса Домникова.

Герои Шукшина прожили свое время, они ушли, как многое другое, чего уж не вернуть. Но опыт Шукшина, сумевшего заглянуть в самые глубины души своего современника, простого деревенского работника, — вот что навсегда останется самым ценным и незабываемым.

Н.Д.: Какие книги или журнальные публикации алтайских писателей вы бы назвали наиболее яркими литературными событиями последних лет?

Ю.Н.: Я руководитель литературного учреждения, и мне не хотелось бы обидеть кого-то, обойдя вниманием, поймите меня. Есть хорошие книги, есть интересные авторы. К сожалению, литература Алтая практически в одночасье потеряла почти весь свой золотой фонд. Могли бы ещё жить и жить Евгений Гушин, Леонид Мерзликин, Геннадий Панов, Владимир Башунов, Николай Черкасов, Вильям Озолин... Увы! Тот уровень

че подобное — редкость. Почему? Ответ в анализе всей нашей сегодняшней жизни, системы ценностей и ориентиров, в глубинах семьи и школы. Ну, не свободен от всего этого никто, даже художник, призванный быть независимым, выделенным из общей массы. Как бы там ни было, больше сегодня небесных тел, ярко сверкнувших и быстро угасших. И новые достойные имена чаще встречаются среди авторов, которым близко к пятидесяти, а то и за...

Н.Д.: Вы закончили живописно-педагогическое отделение Новоалтайского Художественного училища, и еще у вас диплом Алтайского Государственного Института Культуры и Искусств. Но я вас знаю по публикациям в столичных журналах и в Интернете как замечательного поэта и прозаика. Считаете ли вы свое литературное поприще счастливым?

Ю.Н.: По-моему, сами эти два понятия, как «литературное поприще» и «счастье» — совершенно несовместимые. Ныне наш «человек пишущий» не может полностью окунуться с головой в свою

чальным реалиям, я возьму на себя такую смелость, и скажу, что — да, я считаю себя счастливой уже от того, что имею возможность писать. Да и сама атмосфера творческого Союза — это большое счастье работать с интересными, умными, талантливыми людьми! Своё же раскрытие именно как писателя считаю неполным и невозможным в данных жизненных обстоятельствах, по крайней мере, пока находясь в должности директора. Круговерть забот и погружение в свой мир, создаваемый на бумаге — уничтожают друг друга. Может быть, когда-нибудь в отпуске... на пенсии (если доживу) я отдохну и напишу что-нибудь вечное...

Н.Д.: Чего вы ждете от плену-ма правления Союза писателей России, который в июне состоится у вас в Барнауле?

Ю.Н.: Ждем всё-таки разговора не на общие темы, а о судьбе нашего Союза. О том, что сегодня можно предпринять, чтобы укрепить его, укрепить, а то и наладить разорванные связи с регионами, поднять авторитет, значимость.

НА СНИМКАХ:
- 2010 г., Рождественские чтения, с. Косихино.
- Литературные чтения памяти Н. Н. Чебаевского.
- Писатель Владимир Коржов. Встреча в колонии ЛИУ-1.
- Шукшинские дни на Алтае.

Галина Колесникова,

лауреат литературных премий журнала «Алтай», им. В. Бианки за книгу стихов «Неокольцованное слово», «Лучшая книга года» за книгу стихов «Ореховый спас», «Золотая нива Алтай» за книгу стихов «Горький мед».

Награждена медалью «100-летие со дня рождения М. А. Шолохова» (2005).

Безрассудно, безоглядно
За строкой — строка,
Шла судьба моя нескладно,
На подъем легка.
Шла, людей не сторонилась,
Шла сквозь свет и мелу.
Не надеялась на милость,
Не сдавалась злу.
По оставленному следу
Разлилась вода...
Сквозь печали и сквозь беды
Проросли года...

БЫЛО!

Было, было — жизнью все бурлило —
Петухи горланили с утра,
Помогала взрослым,
Что есть силы,
И в большом, и в малом детвора.
Было, было — к мельнице спешили,
В кузнице толпились мужики...
До темна пахали и косили,
Улучив погожие деньки.
Было, было — тесто подходило,
Наполнял подворья хлебный дух, —
И все это накрепко родило
Всех, от ребятни и до старух.
Было, было — да былшем повито
Многолюдья сельского родство:
Во дворах — разбитые корыта
И дворов — десятка три всего...

Нашептали о жизни и смерти
Мормышанские дали мои.
Нашептали что небо в конверте
Принесут мне весной журавли.
Принесут, постучатся в окошко
И прольют сквозь него синеву...
И сложив, для молитвы, ладошки
Я для жизни иной оживу.

Не умирай, мое село!
Пой о любви светло и звонко.
Рожай младенчиков назло
Заморским и своим подонкам.
Взмахни цветастым рукавом,
Преобрази сердца и дали,
Нас собери — мы соберем
Все, что покуда не продали,
Все, что покуда не предали
И что не обрели на слом.

Сужу себя, казнию нещадно
За то, что большего хочу,
За то, что так живу нескладно.
И так, сквозь слёзы, хохочу!
Но.. впереди такая небыль,
Такой восторг, такой простор!
И тот, кто там — за этим небом,
Навстречу руки мне простёр.

Хочу назад, хочу домой,
где пахнет мятой и душицей.
Где серебрится голос мой,
где мне, от чьих-то глаз не спится.
Там фартук — мал, учитель — строг,
На шее галстук — ало-ало!
Там я того, что мир жесток,
вот так жесток — жила — не знала.
А если плакала порой —
так значит, сон дурной приснится...
Хочу назад. Хочу домой,
где пахнет мятой и душицей.

В. Ковалевой.

«Чекряжковский» переулочек
С богородицей — травой.
Солнце жаркое уснуло
Над моею головой.
Шедро песни жаворонок
Разливает, словно чай,
Босиком бегу спросонок,
Если сможешь — догоняй!
Так ступни песочек жарит,
Так ли озеро влечет.
Если жарит, если парит —
Значит дождичек пойдёт,
И расплещется в канаве
Поднебесная вода...
Чтобы это все могла я
Вспоминать хоть иногда.

Ольга Гришко,

лауреат премии В. М. Шукшина за книгу стихов «Исповедь», награждена знаком Министерства культуры России «За достижения в культуре», лауреат премии «Лучшая книга года» и муниципальной премии г. Барнаула за книгу «Избранное» (Библиотека «Писатели Алтай»), Краевая литературная премия им. Л. С. Мерзликаина.

ПОСЛЕ КРУГА И ОГНЯ

Для добра мне, или был жесток
Тот гончар, что душу смял в комок,
Словно глину, да на колесо
Бросил, ее вихрем понесло!

От него зависело — горшком
Или вазой та взойдет потом,
Для питья — чинчилой расписной,
Свиристелью крохотной лесной.

Но он новой формы не искал:
Как была — такую обжигал.
После встал еще ногой босой —
Тишина зависла в мастерской.

Трещинами даже не пошло
Прочное изделие его.
...Только после круга и огня
Тяжелит собой душа моя.

БАБЬЕ ЛЕТО

Еще тут бродят сновиденья лета,
И луч летучий греет желтоцветы,
Росу насквозь пронзает — для забавы,
А та в испуге прячется под травы.
Туман пока загустевать не хочет,
Еще он робок в утренних набегах.
Еще родник не пахнет первым снегом,
А запах луга манит и морочит.
Голубоглазо небо, хоть с прищуром
Глядит на землю, вычисляя время.
И муравей, от напряженья бурый,
На кочку тянет клеверное семя.
Но нет уже той радости беспечной,
Когда кузнечик, опоенный зноем,
Всю живность выкликал

из травостоя,
И буйный праздник длился бесконечно.
Теперь поймать бы
теплое дыханье,
Что в синеве вечерней проплывает,
Не пропустить бы легкое шурианье
Листа, что роца дальняя роняет,
Хоть и шумит уже вершинный ветер,
Дождь студеной,
неровен час, нагрянет,
Тогда на зябком, пасмурном рассвете
Трава в свой прежний рост
уже не встанет.

ТВОРИМ И ЗНАЕМ

Приучены мои глаза
Ловить из бытия сюжеты.
Пришел на память нынче этот:
Случайный дом, просторный зал,
Оранжевая скатерть, кисти,
Свет через раму — напролом,
И ваза — чудом серебристым,
И мальчик — рядом со столом.
Он долго сумрачно молчал,
Уставясь на предмет запретный,
А после вазу в руки взял,
И с нею встал напротив света.
Внем в этот миг — кто мог бы знать! —
Сошлись желанья неуместно:
Преступно пальцы рук разжать,
И чудо возвратить на место.

Зло расторопнее добра —
В осколках ваза, мальчик — бледен,
Взгляд то растерян, то победен:
У ног — разливы серебра!
...Не так ли годы напролет
Зло ловит нас на перекрестках!
Творим и знаем: будет поздно,
Когда печальный звон взойдет.

ЖЕНЩИНА С ЯБЛОКОМ

Потерла о бедро и надкусила,
И пролила в себя священный сок.
Тот забурился,
пошел гулять по жилам,
И молодостью кинулся в висок.

Трава босые ноги улаждала,
Шелковостью рассветною лосняся,
И женщина счастливая стояла,
Со всей вселенной ощущая связь.

В ней нарождались силы и желанья,
И непокорность выпавшей судьбе.
И прорывалась токами в сознание
Заброшенная мысль — о себе.

Слетались на распевку стаи птички,
А ветер затаился за кустом,
Кляня свое не плотское обличье.
И польхал далекий окоем.

А яблоко сочилось и хрустело,
И в женщине подсвечивало суть.
...Похоже, даже Богу захотелось
Ее, такую, снова в рай вернуть.

Юлия Нифонтова,

поэт, прозаик, с 2009 года руководит Алтайским домом литераторов.

Лауреат литературных премий: им. А. С. Пушкина, им. А. П. Соболева, им. В. Бианки и VIII Арриады народов России в лиге мастеров, премия Алтайского отделения Сбербанка России «Золотое перо».

Автор книг: «Провода гудящих строчек», «Предчувствие», «Шиза. История одной клички», «Осколки матриархата», «Не хочу в Нормандию!»

УЛОЧКИ ДЕТСТВА

Теплый ветер вдоль Зелёной Роци,*
От Меланжевой* до Обводной*
Простыни крахмальные полощет
И вздымает к небу по одной.

По дорожкам, утопнувшим в травах,
Стелит ароматные дымы.
Воробьев весёлые оравы
Разгоняют утренние сны.

На ветвях беременные почки
Скоро к небу вскинут паруса.
Помню здесь все рытвины, все кочки,
Узнаю собак по голосам.

По ночам тут слышен
стук колёсный,
Поездов тревожные гудки —
К нам спешат
страстей грядущих вёсны,
Жизнь со смертью наперегонки...

* Название улиц одного из старых кварталов г. Барнаула

Стаями заполнилась околица,
Стаял запоздалый снег с полей,
С тайным состраданьем небу молятся
Чёрные обрубки тополей.

Погоди, погода, раскиселиться,
Пагоды покатые хлестать.
Только толку-то,
что жизнь — подельница
Мягко стелит, да не мягко спать.

Станем мы лишь
стойкими поэтами —
Квартиранты с тонущих планет.
Стоит в жизни,
стоит быть поэтами,
Потому другой дороги нет.

СТЕПЬ

Стонет старый крест дорожный.
Стелет поле сухой
И колышет осторожно
Волосинки ковылей.

Ширь да гладь, куда ни глянешь,
Лишь стрекочет саранча.
Выгорел и выцвел глянец
Неба на моих плечах.

Степь течёт и разливаясь,
Жарким маревом дыша, —
Вызревает. Вызревает
Бесконечная душа...

Родина моя — моя родинка,
Ты на век со мной. Ты на век со мной.
От кровей дворян — благородинка,
От корней крестьян — непокой.

Замурованы, разворованы,
С замороженной головой.
Только красный свет на все стороны —
Нам сподручнее на него.

Что ни ветер здесь,
то всегда норд-вест.
С самой осени лета ждуют
Города мои — города невест.
Только к Храму дороги тут.

ПИСЬМО МАЛЬЧИКА, У КОТОРОГО УМЕРЛА СОБАКА

Владимиру Свиноцову

Уважаемый Боженька, здрасте!
Если Ты опечалился, вбруг,
Знай, летит к Тебе пёс рыжей масти,
Настоящий и преданный друг.

Я Тебе на все сто доверяю,
И собаку родную дарю,
Но с собаками утром гуляют,
Ты давай, не просни там в Раю.

Не смотри, что фигурой не статный,
А характером он — волкодав!
Не кричи на него, может цапнуть,
И по-своему пёс будет прав.

Ест он всё, и зовут его Чарли.
Ну, прощаюсь, огромный привет!
Намекни, что вы
с ним повстречались,
И зажги поскорее рассвет.

Говорила бабушка,
старость празднует:
«Я ещё тудыличи в могуте была!»*
Трудовые, праздные, будни разные,
Чередую праздников кабала.

И недавно вроде бы было детство,
Близко-близко лужи, земля, трава.
Быстро-быстро бьётся комочек
сердца
Жизнь уже случилась,
сбылась,
была...

*Я ещё тудыличи в могуте была! —
(устар.) Это было тогда, когда я ещё
была в силе!

Лунный глаз, угольком в копоти,
Не мигая, совсем остыл.
Хоть бы Ты был, Господи!
Господи, хоть бы Ты был!

В небо чёрное — чёрное с проседью
Будто в ухо Тебе кричу:
«Верить хочу, Господи,
Верить Тебе хочу!»

Вместе бы нам на погост идти,
Простить бы кровную месть.
Только любви нас, Господи,
Таких, какие есть!

Анатолий Кирилин

(Окончание. Начало на стр. 1)

Понимай так: работай, ищи единственно верное в этом месте, в этой строке слово, не шадя себя. Неуместное не совсем точное слово не будет тебе прощено, оно, может, не сразу, через год, два, через десять явится наружу, и тогда состоит суд над твоим поэтическим попустительством. Он так и работал. Привычная для родных и близких картина. Пять утра. В круге света от настольной лампы печатная машинка с заправленным чистым листом. Рядом листок, на котором Владимир Мефодьевич черкает и перечеркивает что-то многократно. Он вообще спал когда? - задавался я в иные времена вопросом. Так и сжег себя - не жалея.

Из «Радоницы», одного из глубочайших по философскому заряду стихотворений.

*И вновь я услышу, как дышат
могилы, пресилив тиски,
Остатком еще негражданской
силы, любви и тоски.
И вновь я увижу, как светел
и тонок небесный оклад.
И женщина плачет. И прячет
ребенок взрослеющий взгляд.*

Я неспроста начал разговор о «взрослении» стихов. У Владимира Башунова красной линией в его творчестве проходила мысль о взрослении без учета лет. О долгом понимании простого, о мгновенном прозрении в море безумства, о мудрости, даруемой Создателем, для которого времени не существует.

Мы многому могли бы научиться, внимательно вчитываясь в строки поэта. Да торопимся все. Взрослеем - и старимся.

2. «ТАМ ЕСТЬ ОДИН МОТИВ...»

В название этих заметок вынесена строчка Александра Сергеевича Пушкина, которую Владимир Башунов взял эпиграфом к стихотворению «Мотив». Почему Пушкин? - это вопрос от тех, кто не знал Владимира Мефодьевича, не знаком с его творчеством. С Пушкиным наш замечательный земляк не расставался всю свою жизнь. Но лишь в зрелые лета осмелился написать и издать сборник очерков «Этюды о Пушкине», продлив традицию от множества разноязыких поэтов. «Мой Пушкин», - заявила право собственности Марина Цветаева. Нет, мой! - ответило многоголосье стихотворцев.

Недавно мне попала в руки брошюрка, изданная Центральной универсальной библиотекой Барнаула имени Владимира Башунова.

Называется она «Серебряный ковшик памяти... (Тема детства и отчего дома в творчестве В.М. Башунова)» и призвана, как сказано в аннотации, служить пособием для учителей школ, библиотекарей и тех, кто интересуется творчеством писателей нашего края. Работа выполнена добросовестно, приведено множество цитат и целых стихотворений. Может быть, ей, работе этой, не достало блеска, изыска, той скрытой мощи, которая свойственна всему творчеству Башунова. Да не беда, было бы старание и желание. Дело в том, что «тонны словесной руды» для извлечения

даже из небольшого перечисленного хотя бы однажды не взволновало меня? Исправлюсь и скажу так: пусть это будет один из множества мотивов, просто именно он сегодня пришел на память, именно он зазвучал, выбиваясь из многоголосья ежедневной обыденности.

*... там есть один мотив...
Я знаю
его и сразу узнаю
среди других, когда бываю
хоть изредка в родном краю.
Он сам собой средь сосен бродит.
И все мне кажется:
грустят,*

не изменится. Подсказка поэта о вечной неразделенности «здесь» и «там» не имеет никакой другой цели, кроме как понуждать к жизни, причем к жизни, наполненной смыслом. А смысл этот более всего в детях, потом - в умении слышать и смотреть, чтобы было что унести с собой для горнего диалога со своей бессмертной душой. Слушать и смотреть, слышать и видеть... Все творчество Владимира Башунова - это неустанное пристальное вглядывание в предметы и лица, окружающие его. В наш мотив влетает стихотворение-эпюда «Прошла машина грузовая...»

многовековой мудростью своих далеких и близких предков.

Потом уже, позднее, сами набравшись глупости, мы, взрослые, щедро делимся ей с детьми. И тем не менее... Вот стихотворение «К вопросу об отцах и детях».

*Сын бежит впереди меня,
сын зовет:
«Догони меня».
Я смеюсь:
- Ты резвей огня,
где мне взять горяча коня?
Но прибавлю шаг,
дескать, кто кого,
обгону шутя,
на ходу дразня,
обернусь:
- Отстал?!
А там нет его:
сын опять бежит впереди меня!*

Сын Игорь, дочь Наташа... Семья, дети - особенный мир в творчестве Владимира Башунова. Но наш мотив звучит и здесь.

*Смотри...
А через тысячу лет
окликну я тебя
и ты
расскажешь мне, как с высоты
и от земли струится свет,
волнуя сонные кусты.
(«Апрельский пейзаж» Дочери
Наташе)*

Люди и вправду уходят, и ничего с этим не поделаешь. Но возросший на примере великого Александра Пушкина («Нет, весь я не умру!») Владимир Башунов утверждает:

*Так мой и твой сотрется след.
Но впереди мерцает
вчерашней жизни шум и свет -
вчерашней жизни шум и свет
забвенью отрицает!
(«И все сначала!»)*

«Там есть один мотив...» А для чего? А что с того? А где же кода, финал, к которому обязательно должен придти любой мотив? Да мы уже почти все сказали, разве что еще одно - о чем на каждой странице забота и печаль большого поэта.

*Каплей меда в сотах сердца
эта память отстоится?
Эта целая эпоха -
сохранится ли она?
Когда вырастет Наташа,
будет ли Наташе снится
молоком и земляничкой
вся пропахшая страна?
(«Наташа»)*

«Там есть один мотив...»

К творческому портрету Владимира Башунова

названной темы перелопачивать не надо, почти все стихотворения каждого сборника Владимира Башунова пронизаны памятью детства, ароматом детства, «детской радостью», которая, по глубокому убеждению поэта, есть самый надежный спасательный круг на всю последующую жизнь человека.

Да только ли радость, только ли сказка, в которой «витают душа»?..

На мой взгляд, одно из самых загадочных стихотворений Башунова - «Синим ли дымом прихватит поля...» Почти каждая строка стихотворения - вопрос.

*Чья это сила влечет меня
и не назовется?
Чья это сила - то ли родства,
то ли сиротства?
Клунному свету, к темным стогам,
в зыбь краснотала...
То ли сиротство, то ли родство
нас повязало?
Не оттого ли во лбу у детей -
взрослая складка?
Поле как поле. Дитя как дитя.
Где же разгадка?*

Так где же разгадка? Поэт не дает нам подсказки - родство ли, сиротство, неведомая сила... Нет, что-то четвертое, пятое, шестое... Очевидно, эту самую разгадку надо искать в россыпях образов, наблюдений и помет поэта-художника, поэта-мыслителя. На первый взгляд, может показаться, что в творчестве Владимира Башунова не так уж много тем, его нетрудно разложить на составляющие - Родина, Отечество, родная земля, природа дорогих сердцу мест, человек, с неосторожностью ступающий под сень этой природы, отчий дом, детство... Перечислено, разумеется, не все, но и этого достаточно, - зная башуновскую кропотливость и вглядчивость, - чтобы досконально исследовать многие и многие стороны названных понятий. Наверно, все дело в этих многочисленных подходах, углах зрения, зоркости, данной только ему одному - поэту, рожденному быть поэтом.

Итак, вот оно, начало нашего разговора, вот он, мотив, который волнует меня, может быть, более всего в творчестве Владимира Башунова. Написал эти последние слова и почувствовал, будто бестактность какую высказал. Более всего... А что же тогда менее? Что

*он ищет нас и не находит,
как бесприютное дитя.
И нету, нету, нету средства,
чтоб подсказать ему маршрут.
В нем наша юность,
наше детство
особняком от нас живут...*

«...Он ищет нас и не находит...» Человек - центр Вселенной. Антропоцентричность у Башунова своеобразна, к человеку тянется, стремится все что угодно, сама мать-земля. Одно из самых моих любимых стихотворений Владимира Башунова «Стога, стога. Деревни. Перелески...» заканчивает так:

*...Железный поезд мчит не уставая,
И,
оставая,
тянется ко мне,
не узнавая и не доставая,
земля моя,
бегущая в окне...*

Или другое:

*...А еще,
над цветком наклоняясь,
замечаешь порой, как он сам
так и тянется,
приподымаясь,
так и льнет, приникает к рукам.
(«Иногда встречаешься с птицей...»)*

Но что интересно, человек, вокруг которого вращается весь мир, далек от совершенства, и мир этот по Башунову полон стремления помочь возмнившему себя властелином созданию, вразумить его, направить. Но это так, замечание между делом.

Мотив, обозначенный в одноименном стихотворении, звучит с необыкновенной силой в финале его, что понятно, объяснимо, традиционно, если хотите.

*...И плачу я,
большой и сильный,
уже давно не молодой,
над золотой травой и синей
и над зеленою водой.
Над светом детства
промелькнувшим.
Над чистым звуком горловым.
Над всем прекрасным,
да минувшим.
Над всем минувшим, да живым.*

Вот оно! Живое минувшее! Хотите наоборот - пожалуйста, смысл

Там говорится о машине, в которой везут памятник на могилку и оградку. Шофер и парень рядом с ним смеются над чем-то своим.

*Их жизнь шутя соединила
с тем, что стояло позади.
И эта близость поразила.
И сердце вздрогнуло в груди.*

Понуждая других к жизни, поэт не шадит себя, каждый раз опаяя сердце дважды - когда в неустанном труде ищет образ, а затем находит слова для его воплощения. Чуткий, талантливый поэт из Оренбурга Геннадий Хомутов взывал в своих письмах: остановите Башунова, он накличет на себя беду! По мнению далекого собрата, Владимир Башунов слишком часто заглядывает «туда». А еще Хомутов понимает поэтическое слово как, в числе прочего, сильное оружие против самого поэта.

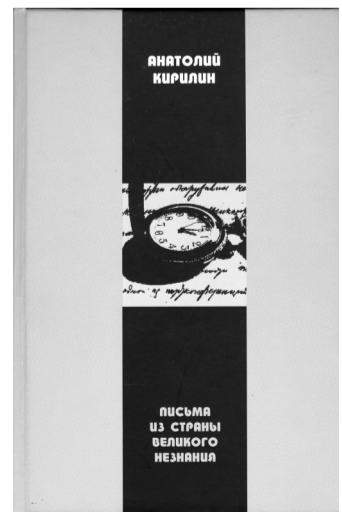
Все так. Но «туда» Башунов заглядывает не из любопытства или страха, хотя ему - «Как жизни жаль!» Жизни жаль, потому что в этом «прекрасном и яростном мире» человеку с острым зрением, чутким слухом и широкой душой никак не нажитья. А вот и прямое указание поэта на неразделимость минувшего и нынешнего.

*Наверно, с каждым так бывало
что смех и слезы - пополам,
что, раздвоивсь,
душа стояла
одновременно здесь и там.
(«Среди веселых и нарядных»)*

Взрослая складка во лбу у детей, оттого что они рождаются с

**Кирилин А.В.
Письма из страны великого незнания. - Барнаул, 2012 г. - 352 с.**

Анатолий Кирилин - лауреат Большой литературной премии, руководитель Алтайского краевого отделения Союза писателей России. Тематика его работ разнообразна, однако почти во всех случаях Анатолий Кирилин старается обнаружить в тех или иных социальных коллизиях, в непростых человеческих судьбах, с которыми сводит его профессиональная деятельность, новые возможности человеческого разума, характера, воли, душевной широты.

Нина Ягодянцева

Это было в самом конце девяностых. Каждый раз, когда в молодой литературной мастерской начинался более-менее серьёзный разговор об основах литературного ремесла — стилистике, простейших правилах синтаксиса и пунктуации, законах построения метафоры и создания поэтического образа, — они дружно выходили на крыльцо покурить. Не слишком охотно участвовали в семинарах — обсуждения чужих произведений, но очень любили почитать «своё», поговорить «вообще», бурно обсуждали идеи издания первых книг, периодических литературных изданий — газеты или альманаха, проведения авторских литературных вечеров и разного рода конкурсов, а особенно их интересовала собственная роль в будущих проектах.

Естественно, писали они без знаков препинания — потому что с трудом справлялись с элементарной пунктуацией, не говоря уже об авторских знаках. Естественно, эклектика была не только смысловой и стилиевой характеристикой текстов — ею отличались и образный ряд, и концевые созвучия строк (если рифмы вообще имелись), и даже — не смеяться, пожалуйста! — падежные окончания слов. Разумеется, большая часть текстов была «на грани фола» или уже за гранью — надо же им было как-то утверждать себя, в конце концов!

Один из этих ребят в юношеском запале высказался вполне определённо: «Для того, чтобы понять мои произведения, нужно овладеть всем опытом мировой культуры». Прошло совсем немного времени — и они провозгласили себя «культуртрегерами», авторами «новой литературы», создали своё активное сообщество. Помню ихчастливое удивление на одном из поэтических вечеров: «Вы представляете, мы ведь из разных городов, и даже не знали друг друга, а оказалось, что пишем практически одинаково!» Да, эта одинаковость, эта мера хаоса была видна невооружённым глазом.

И вот уже, едва завершилось первое десятилетие нового века, на одной из научных конференций 19-летний «юноша бледный со взором горящим» азартно объясняет царственно седовласому библиографу областной научной библиотеки: «Сейчас нельзя писать стихи как раньше — ну, метр там, рифма, мораль — и как такое можно читать? Сейчас время новой литературы!» Согласно кивая, вокруг него стоят «новые литераторы» (плюс те из немолодых, кому в своё время не

удалось доказать свою состоятельность в традиции)... И всё это было бы просто смешно, не будь они детьми нашего поколения. Нашими детьми — теперь уже взрослыми.

Естественно, хотя и печально стремление части творческой молодёжи утвердиться, не утруждая себя особо знаниями. Это происходит далеко не впервые, и классу неоднократно пытались «сбросить с парохода современности» — но и паром, слава Богу, пока ещё в наличии, и классика крепко стоит на библиотечных полках. Но на приведённом локальном примере появления «новой литературы» воочию можно увидеть, что происходит сейчас с нами на макроуровне. Ведь творческая среда очень подвижна, и в ней находят рельефное отражение процессы, в обществе протекающие более длительно и менее явно.

Просто так, само собой

Видимо, уже пора анализировать стратегию и тактику культурных агрессий, осознавать, на какие из наших собственных слабостей они рассчитаны, и учиться побеждать. Времени на всё это не так много...

Конечно, мощный информационный удар, сломивший империю, пришёл, пожалуй, наиболее сильно именно на то поколение, о представителе которого идёт речь, — уже хотя бы потому, что по возрасту они были совершенно незащищены перед потоками лжи и грязи, вылитой сначала на советский период нашей литературы и истории, а затем и на русскую историю и культуру в целом. И их стремление отказаться и отгородиться от оболганного наследия можно было бы считать естественным, но в одном из наших долгих горьких разговоров прозвучало: «Культура — это ведь не только сотворение, это и разрушение тоже. Значит, кто-то же должен быть и разрушителем. Что ж, пусть им буду я». Этот сознательный выбор, противоречащий самой сути творчества, основе бытия личности, да и смыслу слова «культура» (первичный смысл — возделывание, более поздний — воспитание, образование, развитие) — в каком-то смысле и поза, и декларация, но и полная культурная капитуляция.

А и вот нечаянное продолжение сюжета, совсем недавний диалог с редактором газеты по поводу одной из книг той самой «новой литературы»:

— Вы бы напечатали эти произведения в своём издании?

— Нет. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

— А принесли бы книгу домой своим детям?

— Да вы что!

— Так почему вы её поддерживаете, высоко оцениваете, защищаете?

— Потому что это «близко к подлиннику» переданный языковой бунт интеллигенции, загнанной в угол, тоскующей по утерянным ею же простым человеческим ценностям.

Всё, круг замкнулся? Нет, ещё чуть-чуть — и выход на новый виток, усвоение исторических уроков. Реплика из интереснейшего разговора с издателем: «Понима-

ешь, большевики победили прежде всего на языковом уровне — в отличие от «белых», пытавшихся внятно и связно объяснить народу предпринимаемые ими действия, «красные» подхватили языковой хаос и на уровне кратких, примитивных, понятных каждому лозунгов и призывов направили энергию масс в нужную им сторону». Ну, и отсюда практический вывод: нужно подхватывать хаос и учиться использовать его, потому что за ним, скорее всего, будущее.

Вот теперь виток нисходящей спирали виден полностью.

Но это даже не «надводная часть айсберга» — так, картинка из литературной жизни. Теперь уже более чем очевидно, что стратегия современной антикультурной агрессии нацелена на то, чтобы массово и максимально понизить базовый уровень понимания реальности и

ют ходы в плотной древесине живого дерева — и в какой-то момент порыв ветра обрушивает на землю могучий ствол, так идеи, образы, слоганы, модели поведения, несущие хаос, внедряются в сознание, обиход, реальность, размножаются там — и достаточно естественного или искусственного катаклизма, чтобы общество было разрушено, а культура уничтожена. В политике это называется методами слабого и сильного воздействия. Вы не хотите пасть в пропасть? И не надо, зачем же! Ещё ушибётесь... Но вы же не откажетесь чуть-чуть подвигнуться? Ну самую малость, четверть шага? Хотя бы просто из вежливости... Спасибо, так уже лучше. А ещё чуть-чуть... И только на краю пропасти тон диалога меняется на противоположный: хватит церемониться, один толчок — и противник повержен.

«объективность» или вопиющая «случайность». Прошла весна — настало лето, изменилась температура воздуха за окном, поднялись цены, по ТВ запущен очередной пакет сериалов, случился кризис, появилась «новая литература», упал самолёт, произошёл теракт... Откройте любую новостную страничку — самые разные явления стоят в одном ряду, всё происходит как бы помимо нашей воли, управляется неведомыми нам силами... Впору идти к экстрасенсам, чтобы иметь хотя бы отдалённое представление о завтрашнем дне — ну вот, по большому счёту это и есть новое средневековье. И самый, пожалуй, большой страх — не успеть за стремительными изменениями и действительно объективно остаться со своими «консервативными», «устаревшими» взглядами на литературу и жизнь в невозвратном прошлом. Но и — куда спешить, если движение направлено в сторону хаоса?

Понятно, что привносятся ментальные вирусы извне, но приживаются — то они здесь, у нас. И нас должен бы интересовать прежде всего не тот, кто «заражает», а мы сами — почему заражаемся? Казалось бы, должен сработать культурный иммунитет — а он не срабатывает. Или не справляется с возрастающей «вирусной» активностью? Может быть, всё-таки особенность нашего сознания, наша ментальность предоставляет неплохие возможности для различного рода вторжений и манипуляций? Пожалуй, скорее и более да, чем нет. Уже хотя бы потому, что в советский период средства защиты были идеологическими, иммунитет — коллективным, и можно было даже позволить себе иметь такую роскошь, как два мнения: одно дома на кухне, а другое в обществе. Особого вреда это не приносило, хотя порой и доставляло неприятности. Но сегодня всё с точностью наоборот: ментальные вирусы вбрасываются массированно, а защита от них — личное дело каждого. Когда средства коллективной информационной безопасности уничтожены, может работать только индивидуальный культурный иммунитет — если за ним нет двоемыслия, а есть понимание происходящего и здоровый консерватизм.

Случайно ли появление так называемой «новой литературы», описанное в начале статьи? Нет, это естественно и предсказуемо. А вот активная поддержка этого «новшества» извне — уже целенаправленное действие (не секрет, что организация традиционного литературного общения молодёжи сегодня держится преимущественно на энтузиазме). Естественно самоутверждение на фоне «нового слова в литературе», а вот использование хаоса целенаправленно.

При ясном понимании всей картины проблема уменьшается ровно наполовину, соответственно возрастают и шансы на победу. Если мы как страна, как общество устояли после «сильного» воздействия и не слишком охотно движемся к краю под воздействиями «слабыми» — видимо, уже пора анализировать стратегию и тактику культурных агрессий, осознавать, на какие из наших собственных слабостей они рассчитаны, и учиться побеждать. Времени на всё это не так много...

(Другие статьи Н. Ягодянцева смотрите на сайте «Российский писатель» в её авторской рубрике «Прикладной смысл».)

знания её законов. Это одна из основных характеристик наших девяностых и целенаправленная тенденция двухтысячных, настойчивое формирование «управляемого хаоса», верный путь в душные сумерки нового средневековья (и, кстати, не факт, что мы в нём в принципе выживем, потому что средневековое сознание, вооружённое современными технологиями, будет ещё менее предсказуемо, чем, например, обезьяна с гранатой).

Почему же за «новым порядком» всё отчётливее прорисовывается банальный хаос? Всё просто, ничего нового: сколько бы красивых и высоких слов ни говорилось, в обыденной жизни (а тем более в критические её моменты) каждый человек действует, исходя из того понимания реальности, которое в нём сформировано наиболее полно и устойчиво. Именно базовый уровень сознания личности определяет в случае, например, стихийного бедствия или социального катаклизма, будет ли человек за счёт жизни других искать спасения лично для себя (при этом шансы выживания сообщества в целом довольно низкие), пойдёт ли мародёрствовать, чтобы нажиться на беде (и тут шансы выживания сообщества резко падают), или кинется спасать сограждан, возможно, с риском для собственной жизни (в последнем случае сообщество получает дополнительные шансы на выживание).

Впрочем, сегодня появилась ещё одна модель поведения: вооружённый мобильной видеокамерой свидетель, потребитель зрелища, порой даже рискующий жизнью ради эффектного ролика — что тоже, в общем-то, показатель и в прямом, и в переносном смысле этого слова.

Но это экстремальные ситуации, когда всё становится беспощадно очевидным, а в обыденности изменения происходят мягко, неприметно и последовательно. Как жуки-древоточцы проделыва-

Идеи, образы, слоганы, модели поведения, несущие в нашу жизнь хаос, можно уподобить вирусам, разрушающим сегодня живой организм общества изнутри. Биология объясняет, что вирусы — мобильные наборы генетической информации, которые могут размножаться только внутри живой клетки, которая после заражения перестраивается на воспроизводство уже не своих, клеточных, а чужих, вирусных компонентов. Очень похоже на то, что происходит сегодня в культуре. После сильного воздействия включается ряд слабых — они потихоньку двигают общественное сознание в нужную манипуляторам сторону.

Не случайно выражение «ментальные вирусы» из образно-экологического уже стало вполне рабочим. Вторжение разрушительных элементов происходит как бы само собой, вроде бы ниоткуда, просто так, ни для чего — но в какой-то момент мы понимаем, что среда необратимо изменилась, прежние культурные коды не работают, и «новая реальность» активно утверждает себя за счёт уничтожения прежней. Вот, например, уже изрядно надоевшая всем история с «пуськами» — помимо всех смыслов в этой акции есть ещё один, долгосрочный и, при условии активного тиражирования скандала средствами СМИ, максимально, пожалуй, разрушительный: сама возможность подобного кошунства, реальный переход за культурную «черту», до этого осознаваемую и соблюдаемую не только верующими, но и атеистами. Можно, да? — ого! — и подобные действия вслед за провокаторами предпринимают (уже в своих собственных целях) другие. Вокруг них шума даже и не нужно: разрушение произошло в сознании, необходимой и достаточной целью было именно это.

Больше всего должна бы настаивать мнимая «естественность» происходящего, его ложная

В северной столице в выставочном зале "Манеж" прошла работа VIII Петербургского международного книжного салона. В его открытии приняли участие вице-губернатор Петербурга Василий Кичеджи, вице-президент Российского книжного союза Ольга Бородина, председатель Союза писателей России, заместитель Главы Всемирного Русского Народного Собора Валерий Ганичев.

Одна из основных тем Книжного салона – 400-летие Дома Романовых, что естественно для города на Неве. Круглый стол в Конференц-зале №2, посвященный императорской фамилии собрал невиданное множество писателей и ученых, представлявших для обсуждения свои труды. Вели Круглый стол известные не только в России, но далеко за ее пределами писатели Николай Коняев и священник Алексей Мороз.

Не менее многолюдным был Круглый стол, посвященный литературам народов России и стран СНГ, который вел председатель Союза писателей России Валерий Ганичев... Яркое и вдохновенно рассказывали о книгах своих коллег Магомед Ахмедов (Дагестан), Николай Лугинов (Якутия), Александр Родионов (Алтайский край), Василий Забелло (Иркутск)... Сергей Котьяло (Москва) представлял произведения и авторов журналов «Роман-журнал XXI век», «Новая книга России», «О Русская земля», православного обозрения «Русское воскресение», посвященные предстоящему 100-летию начала Первой Мировой войны, эпическую книгу Юрия Лошица «Кирилл и Мефодий», выпущенную в серии «ЖЗЛ» издательством «Молодая гвардия»...

Поэт Сергей Куняев представил журнал «Наш современник», Андрей Ребров «Родную Ладугу»... Приятным завершением стало вручение В.Н. Ганичевым Международной литературной премии имени Николая Гумилева поэту Борису Орлову...

В первый же день открытия жителей и гостей северной столицы ждала встреча с писателем, священником Ярославом Шиповым, автором чудесной книги "Райские хутора".

Отдельное внимание уделено произведениям петербургских писателей, книги которых при поддержке правительства Санкт-Петербурга вышли к открытию форума. По этой программе более тридцати писателей Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России получили средства на пе-

чать своих книг. Книги также издавались за счет авторских или спонсорских средств.

В самой многочисленной, поэтической секции, под руководством председателя секции Ирэны Сергеевой был выпущен коллективный сборник "Десятая часть века. Антология русской поэзии 2001-2010". В данном издании представлена петербургская поэзия начала XXI века. Более ста поэтов-петербуржцев подготовили в Антологию свои лучшие стихи. Из них были выбраны наиболее яркие работы. В книгу вошли стихи нескольких поколений поэтов: от старейшины русской поэзии, известного Глеба Горбовского,

дающего английского поэта-гуманиста Уилфреда Оуэна (1893-1918), малоизвестного в России. Издание и полный перевод на русский язык его сборника "Поэмы" впервые осуществлены петербургским поэтом-переводчиком Евгением Лукиным. Издательский дом "Родная Ладуга" подготовил и издал в одном томе избранные сочинения недавно ушедшего известного петербургского поэта Юрия Шестакова "Земное притяжение". В книгу вошли стихи и поэмы из прижизненных сборников и публикаций в периодике, а также стихотворения, не опубликованные при жизни автора. Так же в 2012 году изданы книга лирической по-

романа в одном томе под названием "Неудавшийся побег" издал известный русский писатель Николай Коняев. В сборник вошли романы "Пригород", "Заводское поле" и "Неудавшийся побег". Также выпущена совместная книга "Застигнутые ночью". В нее вошли дневниковая хроника 1986-1991 годов Николая Коняева "Застигнутые ночью" и записки-размышления "Вольная русская азбука" драматурга Александра Образцова. Эта книга о Родине, о русских просторах и русских людях, застигнутых ночью государственности. Изданы толстые книги повестей и рассказов последних лет известными петербургскими про-

заиками и публицист сибиряк по рождению Михаил Зарубин издал книгу, содержащую автобиографические повесть и рассказы "Долгая дорога к маме". В начале 2013 года вышла его новая книга повестей и рассказов "Кровные братья", в которой на основе фактов собственной сложной, насыщенной личной биографии писатель исследует и обобщает многие современные проблемы.

Событием современной русской литературы можно назвать большую серию книг "Герои Советского Союза – участники битвы за Ленинград". Она подготовлена и издана под руководством публициста Маргариты Боженковой. Воспоминания участников событий обработаны и подготовлены к публикации писателями Санкт-Петербургского Отделения СПР. В 2012 году издан сборник произведений писателей секции художественно-документальной прозы "Свидетельства времени".

Книга доктора философских наук Александра Королькова "Драма русского просвещения" содержит размышления ученого о русской культуре, о ценности опыта отечественного просвещения.

Вышли две новые книги художника, публициста, критика Александра Медведева "Новое небо. Петербургский текст в литературе и искусстве" (2012г.) о произведениях писателей и художников, формирующих лицо современной петербургской литературы и искусства. "Аксиомы авангарда" (2013г.) – книга об основоположниках русского художественного авангарда.

Недавно состоялась презентация альманаха «Молодого Петербурга» за 2012-2013 гг., в котором публикуются произведения членов одноименной секции, работающей под руководством поэта Алексея Ахматова.

Издается детский журнал "Искорка", главный редактор Юрий Буковский. В студии детской литературы "Зубренок" регулярно выходит одноименное периодическое издание для маленьких читателей.

Впереди встречи с писателями из разных уголков России, Украины и Беларуси Светланой Макаровой (Краснодар), Василием Дворцов (Новосибирск), Юрием Орлов (Иваново), Николаем Иванов (Москва), Трофимом Неумыйченко (Херсон), Миколой Рандевич (Свислочь)...

Словом, открытие Книжного салона в Петербурге – это настоящее торжество Русского слова, где было всего много, но впереди еще больше

ВРЕМЯ ЧИТАТЬ!

VIII Петербургский международный книжный салон

заиками: Юрием Сербом "Речка Нача", Иваном Леонтьевым "По делам твоим".

Известный православный писатель и журналист, гл. редактор газеты "Православный Санкт-Петербург" Александр Раков в начале 2012 года издал в издательстве "Дума" очередную, девятую книгу своих былин "Пишу свою судьбу до точки". В конце года он выпустил уже десятую книгу, которая стала своеобразной антологией поэзии "Поэзию любят красивые люди". В книгу вошли все стихи, использованные автором в предыдущих книгах былин, около 2000 стихотворений разных поэтов XIX – XXI в. Автору этого титанического просветительского труда удалось собрать биографические сведения почти о всех представленных поэтах, разыскать их фотографии.

Следует отметить, что многие книги петербургских писателей издаются в издании "Дума", которым руководит старейший петербургский прозаик Анатолий Иванович Белинский. Под его редакцией выпущена антология современного русского рассказа "Такая наша жизнь". Изданы также: военная повесть Вячеслава Булгакова "Повесть о женщине", военные повести Александра Волкова "Гори, не погасни". В серии "Великие исторические персоны" вышла книга Дмитрия Кузнецова "Бетанкур" о легендарном инженере, прославившемся в России. Книга Георгия Челека "Арктика – дама серьезная" содержит авторские дневники. В начале 2012 году

до юной поэтессы Екатерины Игнатьевой.

Кроме того были изданы авторские сборники. Две книги стихов издал прославленный лирический поэт, автор многих современных песен и гимна Санкт-Петербурга Олег Чупров: это поэтический сборник "Становлюсь рекой", а также книга избранного "Время листопада". Изданы также избранные стихи Бориса Орлова "Звездный свет" (восемнадцатая по счету книга поэта), книга избранной лирики Николая Астафьева "Город стихий", поэтический сборник Александра Ковалева "Просто лирика", книга новых стихов и поэм Валентины Ефимовской "Золотой запас". Представляет интерес книга стихов вы-

езии Зинаиды Битаровой "Вечерний натюрморт", сборник новых стихов Веры Бурдиной "Мой Ямбург", получивший премию им. Александра Невского (2012), сборник лирико-духовной поэзии Татьяны Шороховой "Охалки пряные стихов" (2013) и др.

Некоторые петербургские писатели выступили в новом для себя жанре – жанре прозаического романа. Так философ, культуролог доктор философских наук Александр Казин выпустил книгу воспоминаний "Роман с философией". Ирэна Сергеева создала роман о тайнах семейных и тайнах душевных "Любовь моя, душа моя или семейные тайны", убеждающий читателя в необходимости поиска своих родовых корней. Три

КНИГА О РУССКОЙ АМЕРИКЕ

Итогом двадцатипятилетней работы над темой Русской Америки стала новая книга лауреата Большой литературной премии России и других престижных литературных наград Александра Кердана под символическим названием «Земля русского владения». В красочном оформленном заслуженным художником России Валентином Ивановым томе собраны исторические романы «Крест командора», «Берег отдаленный...» и «Звёздная метка», рассказывающие о судьбах русских

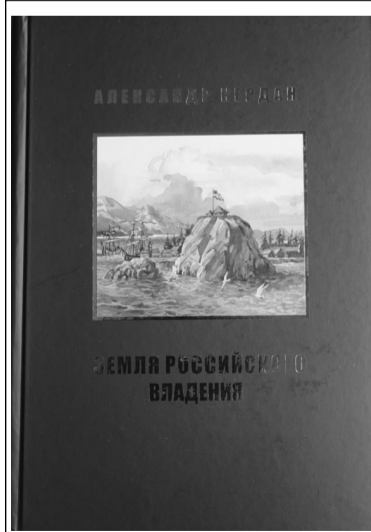
первопроходцев – от памятного похода командора Беринга и капитана Чирикова до времени продажи российских колоний на Аляске Северо-Американским Соединённым Штатам. Впервые в отечественной литературе вся история Русской Америки стала предметом целостного художественного осмысления. Как отмечает в своём предисловии известный писатель, президент Российского Детского фонда Альберт Лиханов, автор книги Алек-

сандр Кердан «талантливо соединяет глубокое знание описываемой эпохи с увлекательным сюжетом, классическую традицию с неординарностью современных взглядов на личности и события».

Исторические романы Кердана адресованы в первую очередь молодёжи, а так же всем, кому интересна история России, а также истории людей, руководствующихся в своих поступках понятиями долга и пользы Отечества, чести и благо-

родства. Будучи своего рода нравственным кодексом для молодых читателей всей России, эти романы способны напитать юношество (и не только его!) духом честности и смелости, научить держать данное слово, быть настоящим патриотом своей страны.

Не случайно первыми читателями новой книги станут старшеклассники Екатеринбургского литературного клуба «Слово». А само представление книги состоялось в Свердловской областной библиотеке для детей и юношества 14 марта сего года.

Михаил Еськов

Герасим Лукич нёс оклунок ржаной муки.

Задумка была всего лишь проведать свояка Захара Дворовичева и его жену Варвару: пока стоял долгий фронт, о них ничего не было известно. Герасим Лукич не думал ни о какой поживе, а свояк неожиданно расщедрился. Был бы рад и малому фунту. А уж оклунок... Счастье, можно сказать, с неба свалилось. И чтобы его не лишиться пришлось идти по глухим местам.

Герасим Лукич домой вернулся недавно. Он хоть и не призывного возраста, но отступил с нашими войсками. Беспokoился за сына. В младенчестве тот перенёс какую-то болезнь, стал благоумным. Как отвязавшегося колобродного телёнка случалось искать его в глухих полях по непредсказуемым лощинам. Найдёшь, бывало, залёшься слезами, а он - без понятия. «Бе-е-ба... Гы-ы!» - радуется и не понимает чему радуется. По возрасту Христа пережил, а словами, однако, не обзавёлся. Одно лишь от него и слышишь: «Беба» да «Беба». То, что он Толик, забылось, даже отец с матерью звали по-уличному Бебой. С такой обузой оказаться под немцем было опасно: люди не свои, не пожалуют. Был и другой повод бояться. Герасим Лукич не славянского обличь, за черноту и горбатый нос дразнили его цыганом, мог сойти и за еврея. По слухам немцы их сильно недолюбливали.

От своих мест, куда пришла война, Герасим Лукич отдалился с запасом, вёрст на сто. Вместе с таким же, как и он, беженцами прижился у старухи с внучкой, кормился тем, что давали за починку тулупов, суконных зипунов, за сапожное дело. Однако фронт сдвинулся вглубь, и он очутился в немецком тылу. А теперь вот вернулся домой. Родной хутор пробыл на передовой восемь месяцев, пришлось скитаться на выселках по соседним деревням, вернуться разрешили на изломе лета - для посева и посадок время ушло. От неслыханной порухи редко какая хата сохранилась, а в уцелевших углах люди ютились по несколько семей, на пепелище рыли землянки. Жить тоже было нечем: питались, как и скотина, подножным кормом.

Свояк Захар, дай Бог ему здоровья, благополучно перенёс вражью напасть. Его хата стояла на юру между обрывистыми оврагами. Там в нескольких замаскированных местах он заблаговременно спрятал рожь, туда же опустошил погреб и ополовнил сундук, оставив при себе самое ледящее, на что никакой глаз не позарится.

Расчёт был верный: зимой овраги снегом заносило в края, и в иное время на крутых склонах свернуть шею не всякий отважится. Жизнь обучила быть начеку, никто ничего не давал, а отобрать последнее многие были горазды. И раньше хоронились от власти, а перед приходом непредвиденного врага в потаённые места снесли всё маломальски ценное. Прежде всего, казалось это съестных припасов. Что такое мука, зерно, картоха ведомо любому человеку, откуда бы он ни явился. Ну а кусок сукна, либо праздничный полшалок тем-то немцам, может, и не понадобится, армия, как-никак, да и сами они с чужой стороны, там, должно быть, жизнь иная, не до наших тряпок. И всё равно боязнь потерять хоть

здесь, как душа начинала плавиться от благостного, почти молитвенного умиротворения, какое овладевает тобой лишь под сводами церкви. Даже неуправляемый Беба обретал что-то разумное, из отцовской руки абы куда не рвался, по путёвому вышагивал рядом.

Но все это происходило, когда сам был не порушен и способен воспринимать безмятежный божий мир. А сейчас стайки берез, ватаги дубов, кочковатые ложбинные озёрки с выводками утят и диких курочек, с плавающими по водной глади небесными облаками - не более чем блеклая картинка, до которой не было никакого дела. Заполотно стрекотала сорока, а чудилось, что смертельно строчил пулемет. Земляничные поляны,

ведь они, в сущности, являются мученическим погостом: с кладбищенского места в рот не принято брать даже дикую ягоду.

С того дня минуло две недели, а Герасим Лукич продолжал видеть могилу во всех подробностях... Детские косточки... Длинные женские волосы... Расстреливали тут же: вблизи россыпь патронов... Яму Герасим Лукич закопал. Бабке намолот что-то про дохлую лису. Поверила, она привыкла ему верить. Также без сомнений приняла рассказ о том, что он определил Бебу в психиатрическую больницу для эвакуации в глубокий тыл. Больней всего было глядеть на бабку, как она радовалась за Бебу, что теперь он в безопасности, под присмотром врачей, даст Бог, они ему и со здоровьем

Спасибо свояку, одарил неслыханным богатством, если мучицу точно и не каждый день расходовать, растянуть можно надолго. Поначалу, конечно, от соблазна не удержись, скорее всего, бабка сварит саламать. Дело нехитрое: слегка поджарить муку, до густоты замесить её в крутом кипятке, разбить комковатость, предварительно на загнету выгresti угли, поставить на жар чугунок с саламатью - и ждать. Скоро чугунок начнёт опышно дышать, самая пора отодвинуть его от огня. Спешить хвататься за ложку не стоит, пусть саламать каждой крупинкой, всем своим нутром основательно вызреет. Затем уж готовь пахучее конопляное масло, и послеживай, чтобы вместе с едой собственный язык не

Рассказ

ЖИЛ-БЫЛ ГЕРАСИМ ЛУКИЧ

что-нибудь из нехитрых крестьянских пожитков заставляла ушлых дедов припрятывать даже вязовое мочало и лапотное лыко. Кто знает этого немца...

Если бы не эта треклятая война, не голод. При ходьбе кости скоро начнут гроыхать. Ну, что такое шестьдесят лет? Не бог весть, какой возраст, а силы нет, наверное, уже не пить, не курить и ничего прежнего не делать. Была мочь, Герасим Лукич нашивал и не такие тяжести. Нынешний оклунок всего-то пуда на полтора, однако, умылил до жаркого паровозного гула в висках. А идти ещё немало. По прикиду Нагольничкая дуброва означала, что позади осталась третья часть пути.

Нетронутая жизнь дубровы наяву была сущим раем: не выгапывалась скотом, не шла под косу, через неё робкими поворотами между лощин почти незаметно вилась старая конная дорога. Она была сама по себе, напрямую никуда не выводила, по ней и раньше ездили редко, а ходкий нынешний шлях вовсе переманил всякую спешную подводу. Настало алчное время всюду торопиться, всё спрямлять и укорачивать, без помех побить с собой не доводилось, требовалось обгонять себя и других - в निकчемной суете ни под ноги, ни окрест глядеть было недосуг. Теперь ненадобная дорога обживалась пятнистыми сусликами-свистунами, заселялась непугаными птицами, зарастала шелковистой сизой травой, воробьиным шавелем, чабрецом на взгорках, пахучей кашкой-таволгой в низинах. Дурнину сюда не успели занести, дорога благодатно покрывалась реликтовым степным ковром.

Как-то в дуброву взял с собою Бебу. Тогда он, ещё мальчонка, вдруг загляделся на диких утят в лощине. Предчувствуя дождь, утята игрушечно разнырялись в воду. Успокоятся на мгновение, и снова - бульк, бульк. Беба сиял, в глазах отчётливо проглянуло осознанное ликование. Казалось, пришло помилование, сынишка вот-вот освоится в жизни, вырвется из немоты, как положено человеку, заговорит...

Крестьянские хлопоты держали Герасима Лукича, что коня в узде, попробуй, сверни в сторону, жизнь, не медля, вздёрнет до сукровичной пены на губах. Праздники дни выпадали не часто, потому и бывал в дуброве по какому-нибудь особому случаю. Стоило оказывать

ягодная трава под ногами смотрелись, как только что окропленные живой человеческой рудой.

Война... Пропади она пропадом. Крови «до узд конских». Нужна ли ещё преисподняя с сатанинскими муками, ежели на земле, не отделяя правого от виновного, люди людей несметным числом сгоняли на вселенский убой?.. Из памяти не уходила разверстая братская могила... Возвратившись из окружения, в испуге остановился перед своей хатой: вроде бы оттуда исходил запах тлена. Неужто что с бабкой? Отлегло, когда увидел её живую. А смрадом несло с поля, успешнее одичать и зарости мрачным бурьяном. Бабка жаловалась - дышать нечем, хоть беги из хаты. Надо бы разведать, да страшно, на минах сколько люду подорвалось. И у самих, вон, сад заминирован.

Находиться в хате впрямь было муторно. Решили срочно отыскать источник тошнотворного духа, засыпать его землёй. Перед иконой святителя Николая пали на колени, просили божьего угодника о пощаде. Поначалу собирались идти вдвоём, но потом Герасим Лукич рассудил иначе. Бабке не следует трогаться из дома: случись что, какую-никакую помощь подаст, на худой конец, своими руками похоронит.

По-собачьи, нюхом выслеживал направление, откуда наиболее сильно тянуло тяжёлым запахом. С первыми шагами он ещё глядывался перед собой, боясь наступить на что-нибудь опасное, чем земля напичкана после долгого фронтного противостояния. Затем мало-помалу в ногах появилась раскованность, наладился обычный ход. Но это только показалось. От хаты отдалились сажень на сто, а взмок, будто за спиной остались напряжённые вёрсты.

Могила окружала особо жирная, зеленая стена дуролома. В руку толщиной стволы чернобыльника, лоснясь сытлыми тяжёлыми листьями, висели над ямой. В края наваленная, неведомо какой глубины яма от разложения обнизились, прикрывавший трупы небольшой слой земли просел, обозначив костные останки... «Мёртвый не без могилы», - сказано, наверное, про иных людей и про иное время. Тысячи убиенных безвестно истлевают на обозримых полях.

А таких полей на Руси - глазом не окинуть! Места боёв было бы правильно до срока оставить в покое,

ем помогут. Бабка ничего не заподозрила в его вымученных словах, заговорив совсем о другом:

- Штой-то, дед, ты ишшо больше почернел?

- Почернеешь. - Сдержав вздох, Герасим Лукич успокоил старуху: - Сама видишь, какое время. - Вроде бы благополучно отговорился, однако показываться бабке на глаза лишний раз побаивался: вдруг узрит неладное.

Герасим Лукич не заметил, как дуброва оказалась за спиной. С поля от дальних кустов летела какая-то птаха. Не меня направления, она непугано низко проследовала над его головой. «Ку-ку-ушка!» - с неожиданной нежностью узнал вещунью-птицу. Обернувшись, пронаблюдал за полётом, пока она не нырнула в купаву дубняка, по-детски наивно загадал: «Кукушка, кукушка, сколько лет мне осталось?» Ответа всё не было и не было. Впрочем, его и быть не могло: после Петрова дня кукушки не гуляют. Так-то оно так, но на сердце тревожно захолодало. Зачем он загадывал, не маленький ведь?..

Далеко отойдя, Герасим Лукич спохватился: ни перед глазами, ни в душе от дубровы ничего не сохранилось, вроде там и не был. Хотел даже вернуться, жалко, не увидел того, что всегда хотел видеть. Как никогда, кстати, пришлась бы сейчас целебная природа, если бы нынешний вид её запечатлелся в сердце, глядишь, и освоился бы от неотвязно никлого настроения, от боязни самого себя. Герасим Лукич понимал, уныние - великий грех, это самовольный отказ от жизни. Не зря говорится: истома хуже смерти. Но после всего, что довелось пережить, радоваться нечему. Его будто проткнули до самой середины, жизнь выпустили, оставили лишь пустую оболочку. Не рад тому, что домой вернулся, что бабка цела. Хата невредима, не то, что у других, кому жить негде, и этому не рад.

Впрочем, оклунок муки за плечами, чем не радость? Не зря же он крадётся от людей. Встретятся немцы, ясней ясного, муку отберут, заодно могут пристрелить. Сторониться следует и своих: себя он знает, не устоит, на затируху по горстям раздаст, что по ветру развевает. Прошаки бродят хоть дверь не закрывай: всем миром побираются друг у друга - нищие у нищих. Вот и приходится зверем таиться в нехоженых местах.

проглотить. Саламать - еда сытная, почти что мясо. «Хе-эх, размечтался!» - Герасим Лукич не долго пребывал в сладких грёзах, хорошо зная, что ни шепотки соли, ни капли масла в доме нет и не предвидится.

Что значит хоть на миг отвлечься на хорошие думки! И сразу нашлось решение. Так внезапно и так просто.

После возвращения ему не давали покоя порушенные сенцы. Зимой немцы выломали их на топку, оставили нетронутыми угловые стояки, на которых держалась крыша. В печке сгинул и сарай, но о нём забота - не в первую очередь. А сенцы восстанавливать нужно немедленно, хата без них, будто расстёгнутая одежда. Соорудить стены проще всего было бы из лозы, плетень глиной обмазать - труда не составит.

Чтобы нарубить лозы, которая находилась рядом на болоте, идти нужно через сад. А на ближайшей от хаты яблоне прибита дощечка с немецким словом: «M ine ». Как говорится, близок локоток, да не укусишь. Разминированием немцы заниматься не станут, им это без нужды. Ждать прихода наших тоже не с руки: кому известно, когда это случится? А осень с зимой не за горами, их не отсрочишь, явятся без приглашения.

Теперь с его приспособлением мины - не преграда. Герасим Лукич досадовал, что не додумался до этого раньше. Он даже ускорил шаги, не терпелось оказаться дома и через сад проложить прокос к болоту.

Иди оставалось недолго. Началась родная Луговская поляна...

Чуток отдалиться в сторону, на худой конец, пошустрее пустить ноги, и он бы успел пройти мимо: догляда не было - согнутая баба увлечённо пурхалась около пня. Щепка, как стекольное крошево, брызгами разлеталась из-под топора. «Никак, кленовый пенёк, - предположил Герасим Лукич. - Дубовое либо грушёвое дерево вяжет. А тут - искры». Забыв, что нужно охранять муку от стороннего глаза, он направился к бабе:

- Что ж ты бестолково корчешься. Топором сколь натюкаешь, ты клиньями откальвай.

- Идей-то те-та клинья? - Справляясь с одышкой, женщина распрямилась, безучастно поприветствовала: - Это ты, Герасим Лукич. Умаялась, видишь. И топор вострый, а ошмыгается: в руках никакой державы.

Аксютку Герасим Лукич красавицей помнил ещё в девках. С Гришкой Пральниковым перед войной они завели двоих детей, Аксютка набралась бабьего соку, раззадорилась, хоть отправляй в Москву на выставку. Да и теперь, несмотря на худобу, не утратила быллой стати.

Пень ненамного выступал из земли, большой разживы не обещал, так как до Аксютки кто-то его уже основательно обкорнал. Одним топориком тут ничего не сделаешь. Мужичкой сметкой Герасим Лукич определил:

- На два штыка, а то и поболее углубиться до низинных корней, перерубить их и наружу вывалить чуху целиком. А ежели таким манером ничего не выйдет, тогда колоть клиньями. Всёдно дома тем же заниматься. Так что, девка, не надрывайся зря. Пойдём со мной, дам тебе лопату, клинья, возьмишь колун, тачку - иначе ты дров не добудешь.

На муку Аксютка не обращала внимания. Не могло же того быть, чтобы она не видела мешка с проступавшей побелкой. А запах! И его не чуяла голодным нюхом? Поинтересовался:

- Девка, ты случаем не больная?
- Ох, хуже больной. Дети никудышные. Поопухли, одна водичка с лебедой, проглотить сил нетути, и навьлет она втемеж. Толик, наверно, не сегодня-завтра...

- Это который?
- Да кучерявенький, что на Гришку похож.

Герасим Лукич вспомнил, как Гришка на людях подшучивал над женой: «Вот Толик точно мой. А Володька не знаю, либо она сама от себя родила».

- Гришенька полёг на войне и память о себе хочет забрать. Толик глаза уж не открывает... Помёр бы, что ли, скорее...

Её равнодушие, безнадежная обречённость придавили Герасима Лукича. От жалости сердце готово было разорваться.

- Знаешь что, - он опустил окунок к её ногам. - Вот, выходивай детей.

- Бог с тобой, Герасим Лукич, - опешила Аксютка и, как от чего-то греховного, отступила от муки. - Я ж ничего не прошу.

- Бери!
Какое-то время шагал в пустоте. Вспомнилось напутствие свояка: «Гляди, не раздавай: всех не накормишь, а сам слдохнешь».

- Ничего ж у меня нету, чем тебя отблагодарить.

Оказывается, Аксютка находилась поблизости, за его спиной. Ввязываться в разговор Герасим Лукич не стал. Да и вообще - побыть бы одному. Но она, как на грех, не умолкала:

- Герасимушка, родименький ты мой! Тебя прям ангел послал... Век буду помнить... Да я ж с тобой до гроба не рассчитаюсь...

Вскоре, однако, Аксютка свернула на отвилку дороги: её хата находилась на этом краю хутора. Оставшись один, Герасим Лукич почувствовал облегчение. Он без колебаний отдал муку, и в то же время бессмысленно терзался, вроде как не расстался с нею окончательно. Теперь вместе с Аксюткой отдалилась и его душевная мать.

Таиться от бабки не собирався, покаетесь, что отбыл свояков подарок. За сердоблие его ждал домашний трибунал. Ну, да ладно.

Что делать, если таким уродился? А вот объясняться сегодня ему не хотелось. Уж лучше как-нибудь потом. Кстате, бабки нынче дома не будет. Пошла в Пसेлец, оттуда завернёт в Большие Крюки.

Когда продвигались застопорилось, немцы выгнали хуторян, из необходимых вещей не дав захватить даже маленького узла. Более пронырливые бабы умудрились проникать на передовую, искали свой скарб, к рукам прилипали и чужие пожитки. Не от лёгкой жизни всё это затем обменивалось на картоху, на бурак, на кусок хлеба. Вот и ходили теперь по тем, тыловым сёлам в надежде обнаружить хоть что-нибудь своё. Бабка тоже отважилась на такой поход.

...К полудню раскалилось пекло, нахлынула обморочная духота, о работе речи быть не могло. Косить траву в саду, скорее всего, придётся ближе к вечеру. Герасим Лукич зашёл в хату, где ещё держалась прохлада, и разморено прилёг на кровать. Что-то сегодня не ладилось. Боже упаси, чтобы днём он когда-нибудь позволил себе в безделье растянуться на койке, - такой блажи и в мыслях не возникало. Не хотелось есть, как заткнуло. Завтракая у свояка, обошёлся двумя-тремя ложками, хотя суп был настоящий, картофельный. Не пошёл и к своему столу, где под рушником угадывалась горка оладьев, сварганенных бабкой из конского шавеля. Не заглянул в печку, там его ждали щи - лебеда на воде. Постоянно, а сегодня особенно на языке держался кислотворный вкус кинжала, заполняя рот несносной металлически холодной слюной. С кинжалом во рту теперь, должно быть, на всю жизнь...

Невнятное томление тревожило душу. На что уж родная хата, где всё облюбовано до последнего гвоздя в стене под картуз, и та давила унылостью, чуждой неизвестностью, словно сюда он явился не привычным прежним хозяином, а случайным человеком. Печально подумалось о бабке. Сколько лет уже она всё бабка и бабка. А у неё есть имя. Агриппина, Гриппка - когда-то от этих слов у самого сердца разливалось трепетное радостное тёплышко. Беба своей болезнью приглушил все краски, можно сказать, собою всю жизнь заслонил. Некому теперь заслонять...

Перед бабкой никогда раньше не хитрил, нужды не было: баба не вьедливая, и сам нутром не кривой. Толком не мог уразуметь, почему в этот раз решил таиться? Думалось, ей лучше не знать, что произошло на самом деле, когда он всё-таки попал под немца.

...Расквартированные оккупанты не только воевали, но и мародёрствовали. В тот раз немец успел пошуровать в хозяйском сундуке, прихватил оттуда гарусный бахромчатый платок и, обмотав им шею, наладился к выходу. Ещё два шага и он убрался бы долой.

- Jude!*

Что возглас относился к нему, Герасим Лукич осознал не сразу. Держа сына за руку, он сидел на печном приступке, как и другие беженцы, парализовано в страхе ждал, как бы фашист не залютовал по какому-нибудь пустяку. В прошлый раз, когда Герасим Лукич отлучался в поисках где-то блуждавшего Бебы, досталось хозяйской

внучке. Такой же вот рыжий немец прикладом ударил девочку лишь за то, что та рассмеялась, увидев, как он гоняется за курицей.

- Jude! - наизготовку к штыковой атаке фашист двинулся к Герасиму Лукичу.

И время, и жизнь убавились до бесчувственного небытия. Это уж потом эти мгновения восстали в памяти. Но тогда Герасим Лукич не воспринимал ни стука зубов по кинжалу, ни пораненного языка. А фашист наслаждался лютостью, продвигая кинжал в рот, оттягивал момент, словно букашку к листу бумаги, не спешил приколоть его к печной стенке. Каким-то чудом Герасим Лукич успел из кармана вынуть пропуск от немецкого коменданта: пропадай Беба, требовалось разрешение на посещение соседних деревень. Документ со свастики спас Герасима Лукича... А следом и произошло... Перед фашистом возник Беба, нацелился указательным пальцем: «Пух!.. Пух!» - по-детски яростно стал изображать стрельбу.

- Nicht vollwertig!
Герасим Лукич и выстрела-то не слышал, непонимающе смотрел, как немец переступил через распростёртого Бебу...

Всё-таки бабке нужно бы рассказать, уж очень тяжело в одиночку носить такое горе. Вдвоём и поплакать в открытую, и поддержать друг друга - всё бы легче стало.

В какой-то миг Герасим Лукич забылся. Вроде не спал, а время между тем проглотил. Свет из окна показывал, что солнышко сдвинулось на закатную сторону и довольно снизилось.

Пора было заниматься прокосом в саду. На чердаке сохранились заготовленное впрок сухое осиновое косяк и старые деревянные грабли. У граблей, как ненужное, отломал колодку с зубьями. А держак крепко накрепко связал концами, смастерил нехитрую приспособу для мин. Для пробы тут же распластался, приник к земле, изготовленной слугой ухнул впереди себя. Затем поднялся, отмерил шагами расстояние до граблевой рогульки, удостоверился: оберег не подведёт.

Перед тем, как взяться за косу, его будто заставили оглянуться на родное жильё. Почему-то пришло в голову, что та могила за огородом размером будет, пожалуй, не меньше хаты...

Первый прокос дался с неимоверным напряжением, дрожали не только руки, внутренний колотун, как при малярии, сотрясал всё тело. Герасим Лукич до того был отключён, что не сразу сообразил, зачем очутился у болота. Повислая прогонистая лоза не скоро обозначилась в его сознании. По неизбывной крестьянской привычке всё проверять в чуткой мужской ладони, будь то готовность пахоты под весенний посев или прикид на урожай вышелушенных колосков, Герасим Лукич сгрёб пятернёй попавшиеся лозины, с силой крутанул. И остался доволен: кора держалась крепко - зрелая лоза. Рубка, доставка к хате, сам плетень - глядишь, недели за две сенцы удаётся образить.

Вороха лозы волочить придётся по земле, ширины прокоса будет маловато. Решил пройти вторую ручку, уложить двойной валок. Наливаются, заманивают яблоки, а к ним не подступиться. Может, немецкая дощечка о минах ни о

чём и не говорит, кто знает. Хорошо бы, конечно, скосить всю траву в саду, когда-то всё равно это надо делать. Но сенцы - в первую голову. Остался последний прокос - и доступ к лозе будет открыт.

Герасим Лукич сел на кошенину. Закрыв глаза, проследил свои действия, что за чем должно происходить. Раз за разом он возвращался к продуманному порядку, боясь что-нибудь упустить.

- Ох, дед. Со смертью играешь. Герасим Лукич хотел, было, встать, но Аксютка опередила:

- Сиди, сиди. - И сама опустилась на валок. - Вот, пустой мешок принесла. Спасибочки за муку, за тирушкой ребят покормила. Толик ожил, в охотку поел.

Аксютка в недоумении разглядывала связанные палки, лежащие поверх косы.

Герасим Лукич объяснил:
- Значится, ложусь на землю, слегу стоймя приподыму, несколько раз рогулькой и громыхну впереди себя. Встану, прокошу полшага, ложусь и снова громыхаю. Приспособа длинная, случись мина, лежащего вдали затронуть меня она не должна. Всё продумано, я же не лиходей себе.

Герасим Лукич куражился, бодрился перед Аксюткой. Разве знаешь, когда мина жажнет? Может, она и не одна здесь? Ждётся спереди, а она где-нибудь сбоку в травке, вольно руки не протянешь. Но бабу в собственные страхи пускать нельзя, гирей повиснет, сделать ничего не даст.

- Хорошо с тобой. - Грустно выдохнула Аксютка и, оглядев его искоса, прошептала: - Мужиком пахнешь.

...Герасим Лукич думал, что окончательно забыл, какими чуткими бывают женские руки. Удивительно, как в это голодное время Аксютка сохранила в теле неожиданно жаркий огонь.

- Глянь-кось, и мины не помешали, - рассмеявшись, Аксютка села на траву и поправив платье, повернулась к Герасиму Лукичу спиной: - Отряхни-ка, а то бабы догадуются, побегут на твоё сено.

Он отвёл прядь её волос, почти не притрагиваясь, невесомо стал снимать прилипшие к платью мятые травинки. Чувствуя его необычную скованность, Аксютка в тревоге спросила:

- Ай, плохо было?
- Да нет, наоборот, - смутился он. - Нешто плохо, когда будто с того света вернулся.

- Ну, и я разговелась. Спасибочки тебе и за то, что должна не осталась.

...Около своей хаты Аксютка издала увидела Толика и чуть не заголосила от радости: «Господи, сыночек поднялся!»

И вдруг там, откуда она пришла, ухнул взрыв. Кинувшись бежать, скоро выдохлась и еле волокла ноги. Бухало сердце, а кругом было так тихо, что спасительно подумалось: «Может, ничего не случилось? Может, всего лишь под рогулькой рвануло, а Герасим как косил, так и косит?»

- Косой перерубило... Дедушка Герасим... пополам...

Отчаянный девчоночий голобочек обрушил Аксютку и, задыхаясь, подкосоно она упала и яростно кулаками стала колотить невинную землю.

Здравствуй, "Дон новый"!

В Ростове-на-Дону вышел первый номер литературного журнала

Дон — это не только одно из наиболее значительных исторических пространств России, а и один из самобытных наших литературных центров.

Можно назвать многих и многих значительных писателей Дона, упомянув при этом, что и Антон Чехов родился в Таганроге, но, видимо, достаточно лишь вот этих двух великих имён русской литературы — поэта Николая Тургенева и прозаика Михаила Шолохова, родившихся в казачьих станицах и каждый по-своему разделивших вместе с казачеством одну из самых трагических страниц отечественной истории.

И, конечно же, журнал "Дон", появившийся на литературной карте России в 1957 году, сразу же стал восприниматься читателями не только как региональный. В нем был опубликован рассказ «Судьба человека» и 2-я часть «Поднятой целины» М. Шолохова, на его страницах читатели открывали для себя новые произведения крупнейших писателей XX века К. Паустовского, С. Михалкова, А. Софронова, Р. Гамзатова, Л. Никулина, В. Закруткина, А. Калинина, Д. Кукульникова...

Не просто складывалась судьба ростовского журнала в период нашей новейшей истории. И об этом свидетельствует то, что на обложке нового ростовского литературно-художественного и общественно-политического издания Союза писателей России, министерства культуры Ростовской области и Ростовского регионального отделения СП России, ставшего в единый ряд со всей нашей общеписательской периодикой, к привычному имени "Дон" добавлено слово "новый". Но — даже и в виде "Дона нового", журнал, созданный трудами председателя правления Ростовского регионального отделения СП России Алексея Берегового, возвращает читателя к высоким смыслам традиций "Дона" старого. "Мы создаем действительно "новый" журнал, однако считаем себя моральными, духовными и творческими наследниками тех донских писателей, которые создавали "Дон", — пишет он в предисловии к недавно вышедшему первому выпуску "Дона нового".

Конечно же, грустно видеть прекрасного прозаика, взвалившего на себя бремя организационной работы в родной писательской организации в один из самых сложных периодов её жизни (а это еще и бесконечное хождение по судам), но и радостно было писателям, приехавшим в Москву на свой пленум со всех регионов России, получить от Алексея Берегового долгожданный журнал, а потом и, прочитав его от корки до корки, открыть для себя замечательные новые произведения ростовских поэтов Виктории Можжевой, Леонида Дьякова, Игоря Кудрявцева, Владимира Моисеева, ростовского прозаика Павла Шестакова, ростовского критика и литературоведа Людмилы Малюковой, встретить на его страницах москвичей Валерия Ганичева, Станислава Куняева, Ивана Переверзина, Николая Дорошенко, Светлану Вьюгину, краснодарца Валерия Клебанова...

ВРУЧЕНА ГОНЧАРОВСКАЯ ПРЕМИЯ

16 июня в рамках XXXV-го Всероссийского Гончаровского праздника глава региона вручил лауреатам Международную премию им. И.А. Гончарова. Соискателями премии в 2013 году стали литераторы из Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Ульяновска, Югорска, Республики Беларусь.

«Несмотря на то, что литературную славу нашего края составляет целая плеяда выдающихся писателей и поэтов, отношение к Гончарову и его творчеству здесь всегда было особенным. Оставленное потомкам наследие было, есть и будет великим достоянием русского народа. И кому, как не нам, его землякам, поддерживать и сохранять это достояние», - отметил Губернатор на церемонии.

Напомним, литературная премия имени Ивана Александровича Гончарова учреждена в Ульяновской области в 2006 году, с прошлого года она имеет статус международной.

В 2013 году лауреатами премии стали писатель Василий Дворцов за повести «Кругом царила жизнь и радость» и «Тогда, когда случится» в номинации «Мастер литературного слова» (500 тысяч рублей); писатель Андрей Тимофеев за повесть «Свадьба» и «Нелитературная история» в номинации «Ученики И.А. Гончарова» (300 тысяч рублей); группа по изданию Полного собрания сочинений и писем Ивана Александровича Гончарова Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в номинации «Исследователь наследия И.А. Гончарова». В состав группы вошли: доктора филологических наук Тамара Орнатская, Владимир Котельников, Анна Гродецкая, Сергей Денисенко, кандидаты филологических наук Сергей Гуськов, Надежда Калинина, Кирилл Зубков и Татьяна Лапицкая. Им вручена премия в размере 500 тысяч рублей.

«Международная литературная

премия имени Гончарова способствует укреплению и развитию гончаровских традиций в русской литературе. Отрадно, что мы не только сохраняем литературное наследие региона, но в то же время делаем шаги в современность, поддерживаем молодые таланты, что очень много значит для развития и российской, и мировой культуры», - отметила Министр искусства и культурной политики региона Татьяна Ившина.

Губернатор Сергей Морозов выступил с рядом инициатив, способных, по его мнению, обеспечить дальнейшее развитие наследия великого писателя. Кроме самой премии, которая нацелена на поддержку интереса к творческому наследию И.А. Гончарова, на стимулирование его изучения, глава региона предложил уделить особое внимание поддержке научного сотрудничества по вопросам изучения творчества Гончарова.

В планах изменить и сам фор-

мат премии: ориентировать ее на стимулирование современных литературных процессов, расширить границы и круг соискателей.

Кроме того, по словам Губернатора, развитие гончаровской темы должно быть обеспечено в рамках исполнения Указа Президента «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» в форме серьезного выставочного проекта. «Он будет заключаться в обмене выставками между литературными музеями как внутри нашей страны, так и с зарубежными музеями. Уверен, это будет интересный эксперимент», - заявил глава региона.

В рамках церемонии вручения Международной литературной премии имени И.А. Гончарова Губернатор вручил медаль «200-летие И.А. Гончарова» ряду деятелей культуры региона, также внесших вклад в сохранение литературного наследия писателя.

ФЕТОВСКИЙ ПРАЗДНИК НА ОРЛОВЩИНЕ

На Орловской земле состоялся большой поэтический праздник, история которого насчитывает почти четыре десятилетия. Фетовский праздник традиционно проходит в последние дни весны и уже многие годы собирает гостей со всей России.

По традиции праздник начался в субботу в селе Клейменово, где Афанасий Фет неоднократно бывал в течение своей жизни, и где ныне в склепе храма Покрова Святой Богородицы покоится прах поэта.

Открылся праздник богослужением и духовными песнопениями в исполнении камерного хора Дома культуры Орловского района.

Затем на большой поляне подле храма развернулось основное действо. Большую праздничную программу с участием артистов театра «Русский стиль» и ансамбля «Славица» подготовили сотрудники музея писателей-орловцев, выступили творческие кол-

лективы Орловского района и города Курска.

И, конечно, главное место в программе было отведено поэтическим чтениям: орловские поэты и гости праздника принесли в дар Афанасию Фету свои лучшие произведения.

А на следующий день, уже в статусе 3-го Всероссийского Фетовского праздника поэзии, в Орле, в чаше амфитеатра детского парка, состоялся большой литературно-музыкальный вечер, на котором было названо имя лауреата премии имени А.А. Фета нынешнего года. В торжественной обстановке премию омской поэтессе Валентине Ерофеевой-Тверской вручили секретарь Правления Союза писателей России С.И. Коткало и руководитель департамента образования Орловской области Г.А. Казначеева.

С приветственными словами выступили сопредседатель Прав-

ления Союза писателей России, руководитель орловской писательской организации Г.А. Попов, начальник отдела управления культуры Орловской области П.В. Морозов и один из ведущих российских прозаиков Ю.Н. Пахомов (Носов), два года назад здесь удостоенный премии имени И.А. Бунина, также учрежденной Союзом писателей России совместно с администрацией Орловской области.

Участники и гости праздника поименно вспомнили лауреатов Фетовской премии прошлых лет, ушедших из жизни, и почтили их память минутой молчания.

Валентина Ерофеева-Тверская вручила медаль Ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья «За служение литературе» И.Я. Мосякину.

Стихи читали Фетовские лауреаты Ирина Семёнова и Геннадий Попов, орловские поэты Валенти-

на Корнева, Михаил Турбин, Александр Лысенко, Анастасия Бойцова, Татьяна Грибанова, Андрей Шендаков, Елена Машукова, Андрей Фролов.

В праздничной программе приняли участие Орловский муниципальный оркестр народных инструментов под управлением заслуженного деятеля искусств, профессора В.К. Сухорослова, ансамбль «Орловский сувенир» под управлением заслуженного деятеля искусств Е.П. Дербенко, преподаватели и студенты Орловского государственного института искусств и культуры.

На следующий день, 27 мая, состоялось собрание Орловской областной писательской организации, на котором были избраны делегаты на съезд Союза писателей России. Осенью в Калуге представлять Орёл будут Ю.Н. Пахомов (Носов), Г.А. Попов и А.А. Шорохов.

В музее-панораме «Сталинградская битва» состоялось представление нового уникального издания Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска — трехтомника «Сибиряки в Сталинградской битве», вышедшего в издательской серии «Историко-культурологический, литературно-художественный альманах «Тобольск и вся Сибирь».

Представляли трехтомник — генеральный директор издательской серии, председатель Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» Аркадий Елфимов и его редактор-составитель, главный редактор альманаха «Тобольск и вся Сибирь» Юрий Перминов.

Более 1,5 тысяч страниц текста, прекрасная полиграфия, редкие архивные документы и фотографии, письма, воспоминания, поэзия и проза, репродукции картин, плакаты, карты и схемы...

Трехтомник посвящен 70-летию победы советских войск в Сталинградской битве, рассказать о которой его авторы попытались как можно полнее. Не только о сибиряках. И, конечно, невозможно было в трех томах поведать о каждом воине поименно, о каждой дивизии, каждом полке и батальоне. Но эти книги — памятник всем павшим в той битве, сыновний поклон всем ветеранам...

Любой из представленных в нем жанров — будь то стихи, воспоминания, аналитические и газетные статьи, очерки — вызывает чувство гордости за свою страну и за свой народ.

Широка, как и Россия, география представленных в трехтомнике авторов. Кроме поистине бескрайней Сибири, Урала и Дальнего Востока — это Москва и Тверь, Ульяновск и Санкт-Петербург, Волгоград и Воронеж, Таруса и Саратов, Калининград и Астрахань, Казахстан, Украина и Белоруссия...

Огромная работа была проделана составителем и редактором трехтомника, известным русским поэтом Юрием Перминовым, главным редактором всего издательского проекта — альманаха «Тобольск и вся Сибирь», и оценку этого самоотверженного труда еще предстоит сделать. Несомненно, стоит отметить и работу талантливого московского художника Ивана Лукьянова, распорядившегося имеющимся у него иллюстративным материалом по самым высоким канонам книжного искусства, заявив о себе как об одном из лучших художников книги в России.

Сталинград — история нашего народа, а значит, в нас живет частичка Сталинграда. Там, в Сталинграде, в неимоверно тяжелых условиях, армия нашего народа разбила очередные полчища «культурной» Европы, которые шли поработить и уничтожить Россию. Наш народ свернул шею этой армии, да так, что и через 70 лет одно имя великого города на Волге заставляет вздрагивать потомков этих завоевателей. И никакие «либералы», «демократы», «масоны» не способны погубить Россию до тех пор, пока в ней жива память о Сталинграде.

Имя Сталинграда было навечно вписано золотыми буквами в Летопись Русской Славы. Весь угнетенный нацистским «Новым Порядком» мир с восторгом и надеждой повторял это имя: «Сталинград». «Сталинград — это орден мужества на груди планеты Земля», — так образно сказал о великом городе чилийский поэт Пабло Неруда.

«ЛИПОВЫЙ ЦВЕТ» В РЕВНАХ

В усадебном парке старинного села Ревны Навлинского района Брянщины в двенадцатый раз прошел литературный праздник «Липовый цвет», посвященный творчеству великого русского писателя Константина Паустовского. Чуть более ста лет назад юный Костя Паустовский несколько раз приезжал в Ревны, где располагалась дача его дяди Николая Высочанского, служившего в ту пору инженером на брянском заводе «Арсенал». Красота и неповторимость здешних мест вдохновила будущего писателя, который впоследствии запечатлел ее на страницах своего произведения «Повесть о жизни», одна из глав которого и называется «Липовый цвет».

Директор областного департамента культуры Наталья Сомова особо подчеркнула, что с каждым годом данное мероприятие стано-

вится более массовым и интересным. Поэтому, с нынешнего года «Липовый цвет» включен в перечень областных культурных мероприятий, которому с каждым годом будет уделяться повышенное внимание не только на муниципальном, но и на региональном уровне.

В этот день с праздничной сцены участников и гостей праздника порадовали своим творчеством брянские поэты и писатели, которые прочли стихи о родном крае. Множество позитивных эмоций получили любители музыки и русской песни, услышав выступление брянского ансамбля народных инструментов под управлением Владимира Осипова, а также солистки Брянской областной филармонии Надежды Ноздрачевой и ансамбля «Надежда».

В течение всего праздника в

ревенском парке работали торговые-гостевые подворья, обустроенные городскими и сельскими поселениями Навлинского района. Каждое из них представило на суд зрителей праздничные караваи с дарами природы. Известно, что Константин Паустовский был большим любителем рыбалки, поэтому среди гостевых подворий был проведен конкурс на лучшую уху, в результате которого каждое из них от организаторов получило свою награду в различных номинациях. Для детей в парке работала традиционная «Поляна сказок», где для представителей юного поколения была организована конкурсная программа по мотивам сказок Паустовского. Самым лучшим подарком для детей была традиционная бесплатная раздача мороженого. Данную благотворительную акцию на протяжении

трех последних лет в этот праздник проводит глава Навлинского района Вячеслав Дергачев.

Помимо сохранения богатого литературного наследия многонациональной российской культуры праздник «Липовый цвет» традиционно собирает не только любителей русской словесности, но и хранителей народных ремесел, коими испокон веков славилась Русская земля. В этот день в ревенском парке была организована большая выставка, посвященная творчеству Паустовского, а также ярмарка народных ремесел и промыслов. Приобретенные здесь сувениры и изделия народных умельцев на долгие годы будут напоминать их обладателям о богатстве и гостеприимстве Брянского края. Ведь именно здесь юный Константин Паустовский избрал для себя литературный творческий путь, ставший для него смыслом всей жизни.

В. МАШИН

Нет никого, кто погиб зря и бессмысленно. Каждому в той великой битве была предначертана своя роль. Каждый до конца исполнил свой долг, и мужество и стойкость их слились в тот меч, что сразил самого страшного хищника в истории.

Уже напечатано много книг о битве в донских степях и в самом Сталинграде в 1942-1943 годах, в которой участвовало с обеих сторон около двух миллионов человек. А мы, сибиряки, можем гордиться тем, что наши деды и отцы внесли неоценимый вклад в разгром немцев на берегах Волги.

Настоящее и прошлое связано незримым мостом памяти. Фонд «Возрождение Tobольска», двадцать лет идущий под руководством Аркадия Елфимова дорогой воз-

представителей десятков других национальностей Советского Союза, жителей многих его городов, сел, деревень, аулов, кишлаков...

«Память о Сталинградской битве, обо всех ее героях и участниках на фронте и в тылу — не просто наша общая ценность, но и важный инструмент нашего разума. Надо эту ценность беречь и по возможности отводить от нее грязные лапы лжесцов и провокаторов», — пишет один из авторов альманаха, известный ученый, социолог, политолог и публицист Сергей Кара-Мурза.

Понятно, что трехтомник впервые должны были увидеть именно в Сталинграде. И потому, что он посвящен Сталинградской битве, и потому, что само его создание было бы немислимым без участия сотрудников Государствен-

же, сами участники Сталинградской битвы... Опубликованы отрывки из мемуаров советских полководцев Жукова, Василевского, Рокоссовского, Еременко, Чуйкова, Жадова, Батова, Крылова, Голикова, отрывки из произведений Михаила Шолохова, Виктора Некрасова, Михаила Алексеева, Юрия Бондарева, фронтовые песни и припевки, стихи Виктора Бокова, Александра Яшина, Алексея Суркова, Михаила Львова, Александра Прокофьева, Сергея Викулова, Анатолия Преловского, Миколы Упеника, Семена Гудзенко, Бориса Пастернака, Бориса Шаховского, Маргариты Агашиной и Николая Палькина, всего несколько дней не дожившего до выхода в свет трехтомника «Сибиряки в Сталинградской битве».

Среди авторов — прозаики и

волгоградской общественности, заместитель директора ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» Сергей Валерьевич Мордвинов, в частности, сказал:

— Мы собрались здесь в преддверии нашего великого праздника — Дня Победы (встреча состоялась 8 мая — авт.). Так сложилось, что наш праздник совпал с очень важным событием — важным не только для нас, для нашего музея, но и для всей страны. Вышел трехтомник, посвященный участию сибиряков в Сталинградской битве. Понятие «сибиряки» во многом стало уже нарицательным, если относится к периоду Великой Отечественной войны: сибиряки спасли Москву, без сибирских дивизий,

горьевича Елфимова и его фонд за то, что такой уникальный издательский проект был реализован... Когда мы только познакомились с этими книгами, то сразу заметили, с каким трепетом, с какой ответственностью создавался этот колоссальный труд...

Татьяна Александровна Приказчикова, ведущий научный сотрудник музея-панорамы «Сталинградская битва», специалист по связям со СМИ:

— Перед тем как Юрий Петрович обратился с письмом-предложением поучаствовать в этом издании, нам был прислан двухтомник альманаха «Тобольск и вся Сибирь» — «Сибиряки в битве за Москву». Мы сразу поняли, о насколько важном и замечательном издании идет речь и, конечно, это приглашение с радостью было принято. Должна сказать, что работать с Юрием Петровичем было очень легко, очень приятно, мы были просто на «одной волне» — всегда быстро находили общий язык и с пониманием корректировали некоторые рабочие моменты. Спасибо и моим дорогим коллегам, которые моментально откликнулись на это предложение, тут же предоставив свои материалы, причем, некоторые из них уникальные, фондовские, нигде еще не опубликованные... И огромная благодарность создателям этого трехтомника!

Татьяна Дмитриевна Кузьмина, заместитель заведующего экспозиционно-выставочного отдела музея:

— Сама фраза «Сибиряки в Сталинградской битве» очень органична во всех текстах по Сталинградской битве, в наших исследованиях. И в экспозициях, выставках, которые мы делаем, обязательно присутствуют сибирские дивизии, воины-сибиряки. А от того, как составлено это издание, как все там систематизировано, как оформлено, мы пришли в восторг. Огромное вам спасибо от всего нашего научного коллектива — мы прекрасно знаем, как трудно порой составить одну научную справку, а здесь — такой монументальный, системный труд. В 2010 году в Волгограде завершилось создание Аллеи Памяти Боевой Славы с установкой 10 памятных пилонов с названием сибирских дивизий, защищавших Сталинград, открыта часовня-усыпальница имени Георгия Победоносца в память воинов-сибиряков [2]. И, думаю, ваше издание станет не менее значимым памятником... Уж стало.

Ольга Викторовна Червинская, ученый секретарь ФГУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва»:

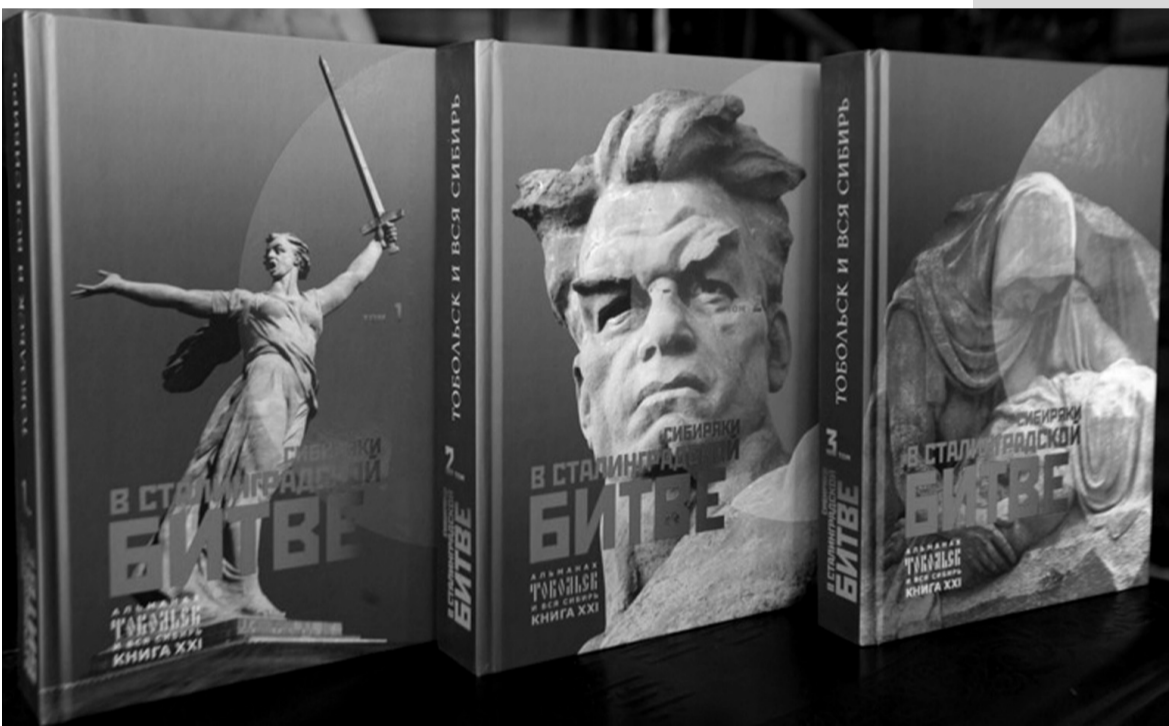
— Большое спасибо фонду «Возрождение Tobольска» за ту благотворительную работу, которую он делает. Это очень важно, особенно в нынешнее время, когда, как 70 лет назад, нет «пути к отступлению»...

Остается добавить, что экземпляры трехтомника были переданы Аркадием Елфимовым авторам, музею, а так же областной и городской библиотекам Волгограда.

Вечная слава нашим отцам и дедам за тяжкий военный труд, за Подвиг во имя жизни!

Сергей ИВАНОВ

СЛОВО О СТАЛИНГРАДЕ

рождения и сохранения исторической памяти, всего хранимого и незабытого, не мог обойти своим вниманием славную героическую дату — 70-летие разгрома гитлеровских полчищ под Сталинградом. И вклад в этот разгром сибиряков, раздавивших гидру нелицей, — неоспорим и бесценен: всего в битве под Сталинградом на разных её этапах участвовало 20 сибирских дивизий! Около 200 тысяч сибиряков погибли в тех страшных сражениях...

Да, «сибирская» тема (исторически — от Урала до Тихого океана) «красной нитью» проходит через весь трехтомник, но его создатели ставили перед собой задачу рассказать о Сталинградской битве как можно более полно, и чего нет в этом издании, так это «регионального сепаратизма». И есть главное — высокая правда кровопролитного, но победного сражения у волжских берегов. И как с Мамаева кургана открывается не только панорама боев за Сталинград, но и необозримые просторы, которые воплощают в себе единое понятие — Родина, так и со страниц альманаха предстает перед нами величие подвига русских воинов и тружеников тыла — сибиряков, уральцев, сталинградцев, москвичей; якутов, нанайцев, украинцев, белорусов, казахов, татар,

ного историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва» (директор А.В. Васин), выступивших на страницах альманаха авторами нескольких материалов и предоставивших для публикации ценные фотографии и архивные документы: С.А. Аргасцева, В.Г. Булаева, Л.Ф. Глухенькая, Е.А. Ломакина, Е.И. Челышева, О.В. Червинская. Особые слова благодарности — Т.А. Приказчиковой, ведущему научному сотруднику музея-панорамы. Именно она более года была на связи с Юрием Перминовым, отвечая на его просьбы, пересылая ему необходимые документы (некоторые из них никогда не публиковались), авторские статьи, «развертку» панорамы, фотографии из фондов музея.

Всего же число авторов приближается к цифре 170 — из Красноярска и Омска, Иркутска и Хабаровска, Петропавловска-Камчатского и Биробиджана, Новосибирска и Ханты-Мансийска, Тюмени и Тобольска, Кургана и Перми, Бийска и Барнаула, Кемерово и Читы, Якутска и Благовещенска, Владивостока, из сибирских райцентров и сёл... Среди них — историки, политологи, социологи, художники, искусствоведы, журналисты военные и «гражданские», научные и музейные работники, «поисковики» и, конечно

поэты Валерий Ганичев, Николай Коняев (Санкт-Петербург), Сергей Заплавный, Игорь Тюленев, Владимир Скиф, Юрий Перминов, Сергей Михеенков, Александр Смышляев, Игорь Шумейко, Андрей Румянцев, Баир Дугаров, Сергей Филатов, Владимир Фёдоров...

О многом говорят и сами названия разделов трехтомника — «Победоносцы», «Подвиг», «Святая Русь», «Как это было», «Мемориальное», «Галерея», «Письма. Беседы. Воспоминания», «Судьбы. Характеры», «Сибиряки идут!», «Единица хранения», «Ученый совет», «Трибуна», «Истории»...

В альманахе рассказывается об истории создания мемориального комплекса на Мамаевом кургане, о великом скульпторе великой эпохи Евгении Вучетиче и гениальном инженере, сибиряке-тоболяке Николае Никитине [1] — авторе-конструкторе монумента «Родина-Мать» (без Никитина «Родина-Мать» никогда бы не поднялась до своего нынешнего роста и не обрела бы ту надежность)...

Открывая встречу сибирских издателей с научными сотрудниками музея-заповедника, авторами альманаха, представителями главных волгоградских библиотек и

соединений, которые формировались на территории Сибири и Дальнего Востока, победа в Сталинградской битве, наверное, была бы невозможна... И Сибирь здесь понятие гораздо более широкое, чем «именное», то есть изначальное. И нам радостно, что участие сибиряков, фонда «Возрождение Tobольска», его руководителя Аркадия Елфимова, редактора-составителя Юрия Перминова и художника Ивана Лукьянова вылилось в такой труд. Честно говоря, с такими выдающимися изданиями нам встречаться еще не доводилось, хотя к нам в музей постоянно присылают книги, посвященные Сталинградской битве...

А теперь предоставим слово сотрудникам музея.

Елена Александровна Ломакина, заведующая экскурсионно-просветительским отделом Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва»:

— Сибирь — это не только богатый край, уникальная природа, но это, в первую очередь, удивительные, сильные духом люди. И когда мы говорим о Сталинградской битве, о победе, о подвигах, то, естественно, мы говорим о тысячах примерах героизма и мужества сибиряков. Мы вспоминаем и 284-ю дивизию Батюка, которая стойко сражалась на Мамаевом кургане, и, конечно, 308-ю дивизию и ее командира Леонтия Николаевича Гуртьева, и многие другие сибирские соединения. Эти воины понимали, что здесь, в Сталинграде, они защищают свой дом, свой край, свои семьи, свою великую Родину. Вспоминается, письмо Леонтия Николаевича, командира, патриота Русской земли, педагога, мужественного солдата своей жене из Сталинграда, где он писал о том, как ему невыносимо больно видеть этот город, который гитлеровские захватчики буквально на считанные месяцы превратили в развалины. И неслучайно Василий Гроссман в своем очерке подчеркивал, что героизм для воинов этой дивизии стал бытом, благодаря Гуртьеву — исключительно грамотному, мужественному командиру... Благодарю Юрия Петровича Перминова за возможность поучаствовать в этом издании — это большая честь для меня, благодарю Аркадия Гри-

Андрей Расторгуев

Хотя многие пытаются сегодня представить литературу исключительно средством самовыражения авторов и деталью книжно-рыночного механизма, она была и остается частью и формой широкого социального бытия. Именно в таком контексте рассматривают свой проект организаторы создания академической «Истории литературы Урала» («ИЛУр»), первый том которой был недавно представлен в Екатеринбурге. Уже уникальная — тираж всего 500 экземпляров — книга охватывает первый период зарождения, становления и развития региональной уральской литературы — от последней четверти XIV в. к завершению XVIII в. В целом исследование должно дойти до начала XXI в.

МОДЕЛЬ ГЕОПРОСТРАНСТВА

Правомерно ли сегодня говорить о регионализме, когда недавно даже продвижение региональных брендов напомнило премьер-министру РФ Дмитрию Медведеву об угрозе сепаратизма? Вот и работу над «ИЛУр», по словам возглавляющего ее редакционный совет академика РАН Вениамина Алексеева, некоторые московские (причем с недавних пор) коллеги восприняли эту работу как попытку разделить единую русскую литературу. Между тем уже в XVII в., напоминая редколлегия со ссылкой на авторитетных историков русской литературы, «восточные владения России... обнаружили становление... такого явления письменной культуры, которое, совпадая по языковому признаку с книжной традицией центра, являет собой особую территориальную разновидность общенациональной литературы».

Несмотря на приверженность единству Отечества, вряд ли можно считать разумной, например, нынешнюю сверхцентрализацию российского книгоиздания. В том числе благодаря ей образ современной российской литературы сегодня создают прежде всего и главным образом участники московского литературного процесса, который в значительной степени формируется под влиянием конъюнктуры массового рыночного спроса. Процессы, идущие в регионах, при этом попадают в поле зрения фрагментарно, избирательно

или, не исключено, сознательно игнорируются.

Между тем, по мнению профессора Сыктывкарского государственного университета Людмилы Гурленовой, которая она высказала на одной из традиционных для Екатеринбурга конференций «Литература Урала: история и современность», именно активизация региональных литератур составляет одну из двух главных тенденций развития современной русской литературы. И именно они «являются пластом искусства, который сохраняет в себе национальное своеобразие как в форме, так и, особенно, в содержании — в ценностных ориентирах...».

туре своеобразную «подсистему» литературы общерусской или общероссийской, создатели «ИЛУр» заявляют о намерении сочетать традиционное историко-литературное исследование со структурно-семиотическим подходом, в результате взаимодействия которого с культурной географией в последние годы родилась геоэтика. В рамках этой дисциплины, отмечает профессор Пермского государственного университета Владимир Абашев, вместе с образами географического пространства в индивидуальном творчестве анализируются локальные тексты (или сверхтексты), сформированные в национальной культуре как результат

формирования стало не современное административное деление, а тесная связь исторической судьбы «прилегающих к горному хребту территорий... с движением русской государственности, русской культуры на восток». В культурно-историческом контексте это Прикамье, приравненное к так называемому Строгановскому региону, откуда начался поход Ермака, горнозаводской (Демидовский) регион с центром в Нижнем Тагиле, позднее перешедшем в Екатеринбург, южноуральское Оренбуржье, военно-административное освоение которого началось в 1730-х гг., а также Зауралье и Западная Сибирь — условно То-

историю, так и целый ряд укорененных в ней аспектов региональной и общероссийской современности. В целом актуальность, масштаб и глубина концепции, а также собранного фактического материала делают первый том ярким научным манифестом. Он ясно свидетельствует: объединившись в рамках проекта, авторитетные исследователи русской литературы и ее истории из региональных научных центров Поволжья, Урала и Сибири ставят целью существенно дополнить представления об отечественном литературном и шире — культурном процессе.

Обзор и анализ многовекового пути в его многообразии позволяет, в частности, сформировать и предъявить систему устойчивых координат, в которой художественные тексты могут оцениваться в контексте долговременного общенационального развития, его традиций, тенденций и интересов. Развиваясь в следующих томах «ИЛУр» с учетом особенностей конкретных исторических периодов, эта система может стать надежной опорой и для развития современной литературной критики.

К основаниям для глубокого понимания природы русской художественной литературы и оценки тенденций ее развития, в том числе современных, по нашему мнению, следует причислить напоминание о том, что едва ли не самыми плодотворными источниками этой литературы были церковная книжность и фольклор. Опора на это представление существенно расширяет, например, представление о том же Нижнем Тагиле, обиходный образ которого в последнее время отнюдь не связан с культурой и интеллектом. Между тем именно здесь в XVIII веке в доме Акинфия Демидова не только существовала одна из крупнейших в России частных библиотек, но и было создано уникальное собрание былин и песен, которые исполнял один из лучших русских сказителей — кричный мастер Кириша Данилов. Благодаря этому новые смысловые оттенки обнаруживаются в современных попытках создавать в этом городе танко-, вагоностроителей и металлургов уникальные культурные сообщества.

С выходом первого тома участники работы над ним получили возможность приступить к следующему этапу проекта. Для его реализации, очевидно, потребуются не только новая концентрация всех научных сил, уже включенных в «ИЛУр», но и привлечение новых, расширение имеющихся и создание новых творческих коллективов. Для более эффективного и динамичного продвижения к окончательному результату проект явно нуждается в более весомом официальном статусе в рамках РАН, усилении финансовой поддержки, организационной и содержательной кооперации с соответствующими университетами. Альтернатива — медленная работа, растянутая как минимум на три пятилетки. Это в лучшем случае: напомним, что путь от плана-проспекта «ИЛУр» до первого тома занял около семи лет.

От Камы до Оби

Академическая «История литературы Урала» формирует образ одного из ключевых историко-культурных регионов России

История литературы Урала. Конец XIV—XVIII в. /глав. ред.: В. В. Блажес, Е. К. Созина. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 608 с.: илл.

Укоренившееся ранее отнесение столичных писателей к «первому», а региональных — ко «второму» и прочим рядам, считает Л. Гурленова, «не соответствует реальной картине современной литературы и выражает лишь амбиции достаточно узкого круга литераторов и обслуживающих их критиков». В новых условиях «ментальность русской литературы... наиболее выражена в региональной литературе, только эта последняя имеет реальные возможности и силу для ее сохранения».

Профессор Тюменского государственного университета Юрий Мешков, в свою очередь, предложил использовать у обществоведов современное понятие «глокализация», которое отражает объективное сочетание прямо противоположных процессов интеграции и фрагментации. И предложил видеть в региональном те особенности, из совокупности которых складывается реальное художественное многообразие русской литературы.

Видя в региональной литера-

освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов. С этой точки зрения, помимо уже привычного «петербургского текста» можно обнаружить и выделить, к примеру, «пермский текст». Урал же в целом, считает В. Абашев, привнес в русскую культуру новую «модель геопространства, доминирующим началом которой стала не равнинная бескрайность, а темная и неистощимая подземная глубина».

МОЗАИКА «ФРОНТИРА»

Уникальностью уральского историко-культурного ландшафта, по мнению профессора Уральского федерального университета Елены Созиной, определяется и то, что Урал подобно Петербургу, Крыму, Кавказу и Сибири необходимо именовать не провинцией, а периферией. За долгое бытование в русском языке термин «провинция» прочно ассоциировался с давно освоенным пространством между границей и центром, став синонимом, с одной стороны, захолустья, с другой — утраченного рая. Тогда как Урал, несмотря на минувшие столетия, «в европейском, а затем и в русском сознании зафиксировался как восточная граница Европы и одновременно как «шов», соединяющий ее с Азией», закрепив семантику «фронтира».

Исходя из целей проекта, организаторы «ИЛУр» включили в Уральский регион территории одиннадцати субъектов РФ, которые входят в состав трех федеральных округов: Северо-Западного (Республика Коми), Приволжского (Удмуртская республика, Республика Башкортостан, Пермский край, Оренбургская область) и Уральского (Свердловская, Челябинская, Курганская и Тюменская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа). Однако отправной точкой и стержнем для такого

большо-Тюменский край.

Начало движения Русского государства на восток и формирования собственно русской литературы Урала связывается с деяниями Стефана Пермского, который в конце XIV в. крестил предков нынешних коми-зырян и основал Пермскую епархию. Именно русская книжная культура, центры которой быстро сформировались, например, в приуральских владениях Строгановых и в Тобольске, фактически стала единственным источником сведений о новых землях на востоке. Вместе с ней на роль старейшей из уральских письменных традиций претендует башкирская литература, которая как самостоятельная система началась в XVI в. после присоединения башкирских племен к Российскому государству, добровольность которого подтверждается их родословными записями — шежере.

В том, что национальные литературы башкир, коми-зырян и коми-пермяков, удмуртов, манси, ханты и ненцев рассматриваются параллельно и в общем ряду с русской литературой, В. Алексеев видит уникальность и научную новизну «ИЛУр». В целом, отмечает академик, на Урале издавна «сложилась уникальная межэтническая ситуация контактов финно-угорских, иранских, тюркских, а затем и славянских общностей». Кроме того, культурная неоднородность Урала определяется его многоукладностью. Мозаичным был состав русского населения, в котором помимо горнозаводских жителей были представлены казаки и крестьяне.

СИСТЕМА КООРДИНАТ

Весомо дополняя собой многосторонний анализ всей истории заселения, освоения и развития Урала как одного из ключевых регионов России, «ИЛУр» представляет факты и концепции, которые позволяют глубже понять как эту

Эмма Меньшикова

20 лет назад здесь провели первый областной праздник — и казалось, это теперь навсегда. Да, к тому времени там уже прижился школьный Пушкинский день, который отмечали 26 мая: это дата рождения великого нашего поэта по старому стилю. Но он проходил тихо, на территории местной школы, которую возглавляет необыкновенная женщина Нина Бородина.

Это именно она превратила ничем не примечательную сельскую школу в пушкинский заповедник. Конечно, это не Святогорье, которое поэт очень любил и где нашёл своё последнее пристанище. Но это отчая земля, это прародина поэта, подспудно формировавшая — через «баушку» — и его самого, и его язык, и его особое пристрастие к истории своих предков, «к отеческим гробам», «к родному пепелищу»...

Из этого пепелища не так давно Коренёвщину возрождали. Благоустроили улицы села, почистили пушкинский пруд, пронесший свое название сквозь триста лет, «одели» в дерево церковный колодец у старого кладбища, недалеко от которого стояла усадьба Пушкиных, где родилась Мария Алексеевна Пушкина, бабушка поэта, и где в малолетстве топала ножками его будущая мама, Надежда Ганнибал...

А к 200-летию Пушкина в селе — буквально у дороги — появилась памятная стела, у школы — пушкинский бюст работы замечательного липецкого мастера Валентина Челябинца. Отливавшего, кстати, и памятную доску Марине Цветаевой в Усмани, и памятник Сергею Есенину в Липецке...

Изменила свой облик и коренёвщинская школа: тогдашний генеральный директор мощнейшего и по сию пору Новолипецкого металлургического комбината (может быть, в память об инспекторской поездке Осипа Ганнибала на Липские железодельные заводы, когда он и обрел свою судьбу в лице Марии Пушкиной?) Иван Франценюк отпустил деньги на ремонт здания и увековечение памяти Пушкина в школьных стенах.

Уже давно нет на этом свете Франценюка, а нынешний олигарх, один из богатейших людей России, ставший владельцем «народного» завода, о Пушкине и не помышляет.

Ученики же и преподаватели трогательно берегут обустроенный в те годы пушкинский класс-музей и памятник Пушкину-лицеисту, установленный тогда же в холле школы. Но самое главное, Пушкиным, его Словом и духом возродилась и зажила высокой жизнью школа. Там шагу не ступить без того, чтобы не возник Пушкин: в портретах, в образах героев, в рисунках, стихах, даже кажется, что слышен его голос...

И каждый год к дню рождения поэта играется новая премьера: спектакли ставят и играют дети, не без помощи взрослых, конечно. Начинали со сказок — о золотой рыбке, золотом петушке, о попе и работнике его Балде...

В последние годы это уже «Метель», «Каменный гость», «Цыганы». В этом году одолели «Пико-

вую даму». Ну, это надо было видеть...

Костюмы, музыка, техническое оформление — всё высший класс. А сколько чувства, сколько страсти! Когда Лиза просила прощения у Бога за своё невольное содействие преступлению Германа, многие прослезились.

И это школьный праздник без всякого статуса, в чем постоянно упрекают директора школы! То ли дело — официальный, со статусом и размахом, областной праздник. Только мало помалу это широкое торжество — с артистами филармонии, с детьми-победителями всевозможных литературных конкурсов, многочисленными гостями — тоже перекочевало к школе. Благо места там много, пейзажи живописные, и дом культуры рядом:

на шеях и цветастыми платками на головах, завязанных не просто, а так называемые кички. Но дело было даже не в том, как они были одеты, а в том, как они пели.

У липецкого, теперь уже покойного, поэта Владислава Зорина есть стихотворение, которое так и называется: «Коренёвские Родионовны». Там строки песен уже запечатлены навсегда, а снимать на видеокамеру тогда ещё не умели, да и не имели их. Поэтому эти бабки (ну любя их так здесь называют!) остались только в памяти, с их тягучими напевами, самобытной интонацией, народными словами, доставшимися им в наследство от своих матерей и бабушек.

Оторопь брала от осознания того, что предки Пушкина триста

вил ни отца, ни матери, и где бы не было утопленных тел...»

Ну, буквально сегодняшний день, с его «продвинутой» — где давят, и топят, и режут, и стреляют — литературой. Столбовая дорога ей прокладывается и в день завтрашний, иначе бы разве отменили Пушкина здесь, где он живёт самым естественным — на земле предков — образом?

С какой же лёгкостью наши чиновники и власти предрешают то, что кропотливо и ответственно возводили жившие до них поколения, люди, стремящиеся сберечь или вернуть потомкам высшие достижения нашей русской культуры.

Ну что вам дался Пушкин на этом крохотном кусочке земли, где всё им дышит и поёт! Неужели

ещё не самое худшее. Отмена праздника сама по себе не трагедия. Люди всё равно будут сюда приезжать — и Нина Ивановна, весь коллектив школы намерены их принимать, проводить экскурсии, читать стихи и играть спектакли. И 2, и 6 июня, и в любой другой день, когда здесь окажется гость к Пушкину.

Так было, к примеру, в 2004 году, случаем приведшему сюда председателя Союза художников России Валентина Сидорова. Посетив Коренёвщину, он был так потрясён той большой любовью и работой во славу Пушкина, которую увидел, что его стараниями школу наградили золотой Пушкинской медалью. Это единственная сельская школа в стране, обладающая такой наградой.

Но это не уберёжет её от... оптимизации. Да, такой дальний прицел — отмена праздника — говорит о многом. К школе уже подступались с тем, чтобы сделать её филиалом, снизить уровень образования, лишиться имени, а затем и вовсе закрыть её. С отменой областного праздника на её территории одним важным аргументом в пользу её сохранения становится меньше.

А что Пушкин?! — недоумевают чиновники местного масштаба. Школа невыгодна. Будем возить детей в соседнее село. Музей перенесём (!?). Бюст тоже.

Так, может, и Коренёвщину перенесём. Подумаешь, бабушка здесь родилась, мама бегала. Оптимизация же.

Однако почему такие жизненно важные для нашей культуры вопросы решаются кулуарно? Или мы не хозяева на своей земле? Или мы ничего на ней не значим? Принято решение. Кем? Почему? Никто не удосуживается объяснить. А ведь такая пушкинская школа — одна не только на всю область, но и на всю Россию. Национальное достояние, можно сказать.

Можно ли без ущерба для 70 учеников, в том числе и тех, которые из дальних сел умудрились, никому не говоря, ходить пешком на репетиции, для жителей района и области, России, наконец, закрыть эту малокомплектную по всем нормам, но такую удивительную школу? Как при этом по уму распорядиться уникальным музеем, памятниками и скульптурами, театром, коллективом, самим пушкинским словом и духом, наконец, которым здесь всё живет и полнится?

Все вроде бы сходятся в одном: кощунственно оптимизировать Пушкина. Поддержала это мнение и начальник отдела образования Добровского района Светлана Ярцева. И глава района школу отстаивает. А караван тем временем идёт: вот и праздник уже отменили...

Даже Путин им не указ. Он же сказал на совещании по итогам исполнения его прошлогодних майских указов: хочу предостеречь от механистических непродуманных решений. Это в первую очередь касается судьбы сельских малокомплектных школ. Куда там. Видимо, есть люди, которые свои решения продумывают очень хорошо. Оттого и никакие предостережения их не касаются.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПУШКИНА

Одним Пушкинским праздником в России стало меньше. На родине его бабушки, Марии Алексеевны, в селе Коренёвщине, в первое воскресенье июня было непривычно пусто...

если дождь, всегда можно укрыться и продолжить праздник.

Ещё когда праздник проводился на поляне, приезжали высокие — читай: из Москвы — гости. Помню Станислава Золотцева, Татьяну Смертину. А не так давно побывали в Коренёвщине и человек сто писателей, сделавших честь Липецку проведением в нём Дней российской литературы.

Ну а потом все праздники обходились своими писательскими силами. Как бы то ни было, люди приезжали из других районов и даже областей.

Особой любовью здесь пользовались местные Арины в старинных народных костюмах: поневах, вышитых кофтах, с «монистами»

лет назад тоже слышали эти песни! Сегодня их поет выпускница местной школы, нынче заведующая Домом культуры: молодая девушка в национальном одеянии. Не в поневе, не Родионовна, но всё ж...

И вот всему этому пушкинскому здесь, в Коренёвщине, приходит конец. Очень символично его приближение ознаменовала постановка ребятами именно «Пиковой дамы».

Взять хотя бы такую сцену. Старая графиня Анна Федотовна просит своего племянника: «...пришли мне какой-нибудь новый роман, только, пожалуйста, не из нынешних...» И далее: «— То есть, такой роман, где бы герой не да-

трудно раз в год организовать сюда автобус и привезти народ из Липецка: остальные добираются сами. Никакой особой программы и шумихи не нужно. Дети сами замечательно читают стихи, поют, играют. Да и желающие выступить на таком празднике всегда найдутся.

Однако принято решение в этом году праздник в Коренёвщине не проводить. Сообщили в район об этом буквально накануне выходных. Без объяснений, втихаря, приняли решение — и всё тут. А Пушкинский день прошел в городе, в областном драматическом театре: цивильно и без лишнего хлопот.

И скучно, и грустно, но и это

Во владивостокском издательстве Ивана Шепеты вышло уникальное издание - трехтомник Николая Шпилова. Здесь собраны рассказы, повести, романы, а, главное, стихотворения и песни этого известного русского писателя, чья трагическая судьба была созвучна трагедии его Родины.

«...Боюсь, что Николай Александрович так и не смог пережить поражения», - пишет в предисловии Лариса БАРАНОВА-ГОНЧЕНКО. - «Для этого он был сразу и слишком дворянин, и слишком русский, и слишком советский. Смирение, воцерковленность, строительство вместе с женой храма под Минском, пение в церковном хоре безусловно поддерживали его. Но поражение великой Родины было слишком большим несчастьем для русского гения: «Мы взлетели - нам плёвое дело, а Россия ушла из-под ног».

Итак, почему же?

«Имею честь!»

Роковым образом уже состоявшийся писатель оказался не просто на рубеже двух эпох, двух веков и двух цивилизаций, поскольку, в конце концов, эти рубежи переходили и переживали, каждый по-своему, Горький, Бунин, Куприн, Федин и другие, переходя из века 19-го в век 20-й. Шпилов же оказался лицом к лицу с новой эпохой, которая отвергала художника как такового. С новой системой отношений нелитературного и нехудожественного соперничества в самом литературном процессе. Лицом к лицу с реальным буржуазным молохом. С нескрываемой

групповщиной, клановостью, делчеством.

И это он, Шпилов! С его непоколебимым и бескомпромиссным характером. С его «тайной свободой». Неспособностью продать, быть прирученным, ангажированным, соблазненным. Он, Шпилов, которого мучила тайна рождения и который отрёкся от своего дворянского происхождения в конце 20-го века, когда иные потомки добивались возвращения дворянских званий и привилегий, а самозванцы их просто покупали: «И еду я, лечу, бескрыл, не страх привёл

меня в движенье. Не смерть страшна, а униженье. Имею честь!»

Вот замечаю,
что стал я в рисунках сильней.
Жизненный опыт,
однако, я в них спрессовал.
Точно рисую коров,
лошадей и свиней,
Раньше всё женские личики
я рисовал.

Вот замолкаю,
имея желанье молчать.
Всё уже сказано,
нечего мир колыхать.
Нынче ж молчу,
как молчит виноград, алыча,
Липа и груша,
что тихо лепечут у хат.

Вот уж не нажил
ни денег я, брат, ни ума.
Сашка Портнов
обещал одолжить миллион.
Только рисую:
дорога, дорога, сума...
Кто это: я?
Или ты? Или мы? Или он?

Жалоб не будет.
Меня, как кирпич, пережгло.
И не годится
на новую жизнь пережог.
Нечто хотело
убить меня и не могло.
Небережёного тоже
Господь бережёт.

Сашка Портнов,
говорят, уже сам без штанов.
Где мои кисти,
холсты, мастихины, эй, ты!
Я нарисую молчанье
российских холмов,
И отточу его перышком —
тонко, как штык.

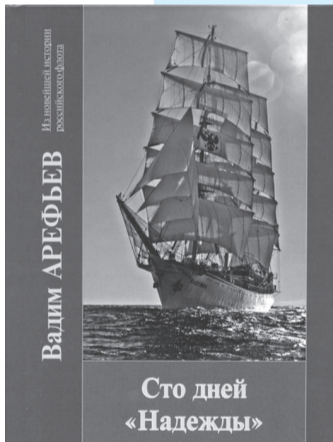
Этим штыком
вдругорядь отточу я перо
И напишу,
что рисунок мой нынче сильней.
Точно рисую
свиней, лошадей и коров.
Точно пишу я
коров, лошадей и свиней.

Уже одно это стихотворение, тягучей усталостью и тоской которого наполняешься, как вином (помните, у Пушкина "Но, как вино, печаль минувших дней в моей душе чем старе, тем сильней") - дает представление о том страшном ломке, которой подверглось целое поколение ничего не подозревавших людей, принесенных в жертву - кровавую жертву Мамоне. И рядом с подлинностью чувств большого художника ничтожными кажутся поддельная брутальность прошедших ему на смену писак из списка Суркова, о которых трубят телереклама и записные зоилы.

Трехтомник Николая Шпилова можно приобрести по телефону: 8-962-965-51-64 или по эл. адресу: sp@rospisatel.ru

Сто дней надежды Вадима Арефьева

Вадим Арефьев. Сто дней «Надежды». Путевой очерк в беседах. Издательский дом «Российский писатель». М.: 2012. - 448 с. ил.

Книга известного русского писателя-путешественника Вадима Арефьева «Сто дней «Надежды» - явление уникальное. В ней представлена практически вся современная палитра нашего русского флота. Речь идет о парусном учебном судне «Надежда». Но не только о ней.

Автор работает в жанре аналитической публицистики - через беседы с членами экипажа складывается полная картина происходящего и грядущего состояния дел в морской политике России, наша

реальность - увы - такова, что перспектив в развитии этой отрасли довольно мало. И, вместе с тем, писатель стремится заглянуть в душу каждому своему собеседнику, пропустить через себя зачастую непростые повороты его судьбы.

В результате рождается цельная, большая книга, в которой есть главное - несмотря ни на что Россия выстоит, пройдет через все трудности также, как экипаж одного из многих кораблей нашего флота - парусника «Надежда». Ему выпал нелегкий путь через Тихий океан, который не был приветливым и гостеприимным. И не только море грозило нашим морякам штормами и непогодой, пришлось им изведать и, что называется, «отворот поворот» от стран-участников АТЭС, которому в 2012 году и был посвящен поход «Надежды». Поэтому наши моряки «по добру, по здорову», не заходя в порты Канады и США, направились в мексиканский порт Энсенеду, и после «крутанули» маршрут в обратном направлении. Проходя мимо Гавайев, помахали издаликрайне этой дальней окраине Америки и устремились все в те же нелюбезные просторы Тихого океана.

И тут произошло чудо!.. Наш парусник и, конечно же, его люди

- сплоченный, не раз побывавший в морских коллизиях экипаж и совсем еще юные курсанты, впервые вышедшие в такое далекое плавание, поставили столько рекордов, что накрученным и лощеным иностранным судам и не снилось! Взять хотя бы рекорд по времени пребывания в море без заходов в порты и так далее...

О чем это говорит? Здесь опять случился тот самый парадокс, который многие на Западе называют русскостью. В тяжелых, неприятных обстоятельствах, почти в полном одиночестве и забвении наши люди преодолели все преграды и прославили Родину - Россию.

Обо всем этом пишет Вадим Арефьев. Не только руководство парусника, но и скромные, рядовые члены экипажа парусника доверяют ему свои судьбы, делятся впечатлениями и, самое главное - говорят правду о современном состоянии флота. А это очень важно для понимания путей восстановления нормального, отечественного мореплавания, а не работы на иностранцев.

Стиль бесед - почти разговорный, максимально приближенный к стилю речи членов экипажа. Для некоторых это может показаться простоватым, необработанным до конца моментом книги. Но если

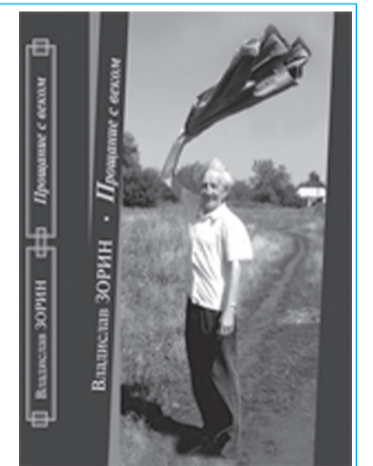
посмотреть шире, и вспомнить, почитать, например, наших писателей-деревенщиков, то, наверное, никто не станет сейчас разбирать или осуждать авторский стиль В. Астафьева, В. Шукшина, В. Белова... Ведь душа народа зачастую выражается в слове. И если у нас таково современное состояние русского языка, то нечего тогда, что называется, в чужом глазу бревно искать...

Эта книга будет полезна для чтения все тем, кто собирается или уже связал свою судьбу с морем, включая руководство морского ведомства России и, вообще, верхние «эшелоны» власти.

Интересна она будет и для людей, не имеющих прямой связи с морем, но желающих узнать и осознать правду о состоянии нашего флота. О том, что наши современники - русские люди - еще способны и могут совершать героические поступки и выходить победителями из любых передраг - и не важно, где и когда это происходит - на суше, на море или в космосе.

И писатель Вадим Арефьев согласен с ними и утверждает это. Читайте «Сто дней «Надежды» и не пожалеете!..

Ольга ЖЕГЛОВА

Владислав Зорин. Прощание с веком. Стихотворения и поэмы. М.: «Российский писатель». - 2012 г., 430 с.

Владислав Зорин (1935-2011) - автор книг «Песнь радости», «Голоса на дорогах», «Никому не отдам Россию», «Падающие огни», «Утренний дождь», «Ласка», «Родня», «Мостов перестуки», «Всё нам некогда», «Сто стихотворений о женщине», «Вьюнки надежд, полны разлуки», «...А ещё на Земле живу я» и других. Эта новая книга поэта должна была выйти к его 75-летию... Память о войне, о деревенском детстве, прошлое и настоящее стали темами книги В. Зорина. Тонкий лирик, мастер смысловых метафор, поэт является одним из наиболее последовательных продолжателей традиции русской гражданской поэзии.

Газета писателей России «Российский писатель» зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, информации, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации № 106 от 30.06.2000

Учредитель - Союз писателей России.
Издатель - АНО Редакционно-издательский Дом «Российский писатель»

Главный редактор - Николай ДОРОШЕНКО,

Редакционный совет:
Лариса БАРАНОВА-ГОНЧЕНКО, Валерий ГАНИЧЕВ,
Валентина ЕФИМОВСКАЯ (г. Санкт-Петербург), Геннадий ИВАНОВ,
Станислав КУНЯЕВ, Михаил ЛОБАНОВ, Юрий ЛОПУСОВ, Владимир МАСАЛОВ, Ямил МУСТАФИН, Геннадий ПОПОВ (г. Орел), Михаил ПОПОВ, Владимир СЕРЕДИН, Виктор СМИРНОВ (г. Смоленск), Светлана СЫРНЕВА (г. Киров), Алексей ШОРОХОВ,
Семен ШУРТАКОВ, Игорь ЯНИН

Адрес редакции:
119146, Москва, Комсомольский пр-кт, 13.
тел.: 243-53-11
E-mail: sp@rospisatel.ru Сайт: www.rospisatel.ru

Тираж 1000 экз.

Отпечатано с электронного оригинал-макета
в ГУП «Клиновская городская типография».
Заказ №